

Людмила Лыкова

Пермь:
Тайна гибели
Михаила Романова

ИД «Достоинство»
Москва 2010

Царское дело

ПЕРМЬ:
ТАЙНА ГИБЕЛИ
МИХАИЛА РОМАНОВА

Документы, материалы следствия,
дневники, воспоминания

Людмила Лыкова

ИД «Достоинство»

Москва

2010

УДК 93/99
ББК 63.3-8
Л 88

Главный специалист РГАСПИ Людмила Лыкова

Л 88 Лыкова Л. Пермь: Тайна гибели Михаила Романова. —
М.: Достоинство, 2010. — 72 с. — ISBN 978-5-904552-05-3.

Эта книга из серии «Царское дело», посвящённой расследованию убийства в 1918 году 18 Членов Дома Романовых. В данной книге рассказывается о жизни в пермской ссылке и кровавой расправе с Великим князем Михаилом Романовым.

УДК 93/99
ББК 63.3-8

Содержание

Михаил и Наталья	5
Заговор против века	16
В ссылке	24
Соколов. Первое следствие	36
Убийство в Перми	43
Как это было	48
«Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова»	60
«Это было 12 июня, но было почему-то очень холодно»	65
Размышления после времени...	69

Судьба младшего брата Николая II Великого князя Михаила Александровича, более чем кого-либо из многочисленного семейства Романовых, овеяна романтизмом и таинственностью. Тем не менее она мало известна современникам. Волей случая Михаил Александрович оказался последним императором на Российском престоле, если считать временем его «царствования» неполные сутки со 2 на 3 марта 1917 года. Даже после отречения от «восприятия верховной власти» он сохранял реальные шансы на таковую, что, очевидно, и послужило главной причиной его похищения и тайного убийства в ночь с 12 на 13 июня 1918 года под Пермью. Чтобы разобраться в сложном переплетении событий тех лет, обратимся к документам и историческим фактам. Но сначала несколько штрихов к портрету Великого князя.

Михаил и Наталья

Из очерка князя Давида Чавчавадзе
«Император Михаил II»
(перевод с английского Г. Авдониной)

Третий и младший сын Императора Александра III Великий князь Михаил был, пожалуй, самым любимым ребёнком Императора и Императрицы, единственным из детей, не боявшимся своего строгого отца. Великий князь Михаил родился в Санкт-Петербурге 9 декабря 1878 года и был третьим по преемственности престола после двух своих старших братьев Николая и Георгия.

Михаил, которого в семье звали «Миша» или «дорогой Увалень» из-за его худого угловатого тела и привычки разваливаться на стуле в самой расслабленной манере, был умным и энергичным юношей. Он любил подолгу гулять со своим отцом, учившим его, как разводить костёр и узнавать следы зверей. Они отправлялись в лосиный заповедник с фонарём, лопатами и яблоками, разводили костёр, поджаривали яблоки и возвращались домой при свете фонаря. Во время одной из таких прогулок Александр в шутку поднял шланг и облил Михаила. Михаил знал привычки отца очень хорошо. Каждое утро, заканчивая работу, Император подходил к окну и, наклонившись, глядел на клумбу. На следующее утро после купания из шланга Михаил притаился в комнате, которая находилась над кабинетом отца, и когда Александр III выглянул из окна, сверху на него вылилось ведро воды. Ни один из других детей Александра не осмелился бы на такой поступок, а Михаилу всё сошло с рук.

Михаил увлекался историей (это был его любимый предмет), они с сестрой занимались историей вместе. Младшая сестра Михаила Великая княжна Ольга много часов проводила с Михаилом и отцом, но оба ребёнка боялись своей матери Императрицы Марии. Их детство проходило без дорогих подарков. Большую часть времени они проводили в Гатчине, в окрестностях Санкт-Петербурга.

У Михаила и Ольги была английская няня миссис Франклин, которая выполняла свои обязанности в чисто британской манере. Она

Великий князь Михаил Александрович (второй справа)

терпеть не могла никаких глупостей. У детей была очень простая диета: каша на завтрак, бараньи котлеты, горошница и жареный картофель; хлеб с молоком и джемом, английские булочки с чаем; тортом угощали только по особым случаям. Михаил был старше Ольги на четыре года, но им нравились одни и те же люди, у них были одинаковые вкусы, они никогда не ссорились. Когда они выросли и начали посещать официальные приёмы, Ольга иногда крайне удивляла присутствующих, обращаясь к Михаилу через всю комнату: «Floppy!» («Уваленё!»)

Когда Михаилу исполнилось двенадцать лет, столовую превратили для них в класс, уроки проходили с девяти часов утра до трёх часов дня. Их образование включало обучение танцам, которые они с Ольгой терпеть не могли.

Когда они подросли, им позволили обедать внизу с родителями, старшими братьями и сестрой. Обслуживали их в последнюю очередь. Зная, что есть торопливо — плохая манера, дети едва успевали сделать несколько глотков, как родители, уже закончившие приём пищи, подавали слугам сигнал, чтобы те убрали со стола. Поэтому Ольга и Михаил часто оставались голодными.

Самым любимым времяпрепровождением для всех детей Александра, и особенно для Михаила, были ежегодные посещения их деда, датского Короля Кристиана IX. В Копенгагене они могли свободно гулять, заходить в магазины, то есть делать то, что считалось запретным в Санкт-Петербурге, где охрана следовала за ними повсюду. Михаил был любимцем не только Короля Кристиана, но и всей семьи.

Великий князь Михаил вырос и стал очень красивым молодым человеком, всегда чисто выбритым, с маленькими усами; он не был таким высоким, как его кузены и дяди, но чуть выше своего брата Нико-

С годами Великий князь Михаил возмужал. Из смешливого, шаловливого мальчугана превратился в «молодого человека приятной наружности». Ростом под 190 см, он обладал огромной физической силой, как и его отец Александр III. Высокий, стройный, голубоглазый, превосходно изъясняющийся по-французски и по-английски, виртуоз игры на флейте, фортепиано, балалайке и гитаре и к тому же ещё один из богатейших молодых людей в мире. Конечно, такой человек — хрустальная мечта принцесс мира, со многими из них он состоял в любовной переписке. А тайно женился, вопреки воле Царя, на незнатной женщине с ребёнком...

лая. С 1900 по 1902 год ему преподавал экономику будущий премьер-министр граф Витте, который очень его любил, считая исключительно «приятным и благородным».

Михаилу было всего шестнадцать лет, когда умер Александр III и его брат Николай взойшёл на престол. Пять лет спустя, после смерти Великого князя Георгия, Михаил стал престолонаследником до появления у Императора Николая сына, то есть с 1899 по 1904 год. Даже при этих обстоятельствах он не получил специального обучения, никто всерьёз не воспринимал «милого Мишу» и вероятность того, что он может стать Императором.

После смерти Александра III Великий князь Георгий, старший брат Михаила, был официально назван Цесаревичем. По какой-то причине, возможно из-за проблем, связанных с правами на наследование престола, Николай II не дал Михаилу титул Цесаревича, хотя предполагалось, что он является наследником.

Михаил был очень непритязательным по натуре и не привык к нарочитости, тем не менее было неприятно, что ему отказали в титуле Цесаревича, принадлежавшем ему, как он считал, по праву до рождения у Николая II сына. Великий князь Михаил тщательно избегал посещений любых официальных приёмов, где ему пришлось бы присутствовать в качестве «Цесаревича», так как официально он не обладал этим титулом.

Этот факт может показаться странным, так как везде пишут о том, что Михаил не был честолюбивым, общаться с ним было легко. Ему особенно досаждало то, что он должен стать престолонаследником и когда-нибудь, возможно, Императором.

Когда родился Цесаревич Алексей, Император издал манифест от 14 августа 1904 года, назвав Великого князя Михаила и Императрицу регентами в случае своей смерти до совершеннолетия Алексея.

Как и все великие князья, Михаил служил в армии и стал командиром Синих Кирасир гвардии. Здесь он влюбился в исключительно красивую женщину, дочь московского юриста Шереметьевского по имени Наталья (все её звали Наташа), которая была замужем за одним из подчинённых Михаилу офицеров, Вульффертом.

Однажды в Гатчине на грандиозном приёме Наталью представили Великому князю Михаилу. Склонившись в реверанс перед ним, она заметила, что он впился в неё глазами. Великий князь тотчас же пригласил Наташу на мазурку, позже не отходил от неё ни на шаг. Сначала, по словам Наташи, Михаил был больше влюблён в неё, чем она в него. Постепенно Наташа глубоко полюбила Михаила. Михаил намекнул, что они могут сочетаться браком. Сначала она не восприняла это серьёзно, но Михаил настаивал: «Почему мы не можем пожениться?». Он говорил, что его мало беспокоит собственное положение в обществе или в армии. Он понимал, что брак с Наташей разрушит всё, но это не имело для него никакого значения. Он сказал ей, что они удалятся от общественной жизни и будут жить в Брасово.

Вульфферт согласился на развод и переехал в полк к офицерам. Наташа отправилась в Москву к юристу и попросила его организовать развод. Николай писал матери Александре Фёдоровне: «... Я никогда не дам согласия..., бесконечно легче дать согласие, чем отказать. Помоги, Господь, чтобы это печальное дело не вызвало непонимания в нашей семье».

Время от времени Михаил и Наташа уезжали в Аничков дворец, и Императорскую семью всё больше тревожило такое состояние дел. Михаил с Наташей пришли к выводу, что самым лучшим решением будет, если она на время уедет из России, пока не утихнет скандал по поводу её развода. После страстного расставания со слезами Наташа уехала в Европу. Это было в 1909 году. Сначала она жила в Вене, затем в Швейцарии. В то время не было международных телефонных систем, поэтому Наташа и Михаил постоянно посылали друг другу телеграммы. Она послала ему 377 телеграмм.

Очень скоро Наташа, будучи не в состоянии вынести разлуку, решила вернуться в Россию. Она сняла небольшой меблированный дом в Москве недалеко от Петровского парка, и они вместе провели рождественские праздники. Именно тогда Наташа обнаружила, что она беременна. Михаил был в восторге и плакал от счастья. Но даже и сейчас он не мог послушаться своего брата и жениться без его разрешения; кроме того, ни один русский священник не осмелился бы совершить брачную церемонию. Ничего не оставалось делать — только ждать.

Михаил снял дом в сельской местности под названием Удинка, окружённой прекрасными лесами, с озером с купальней вблизи. В день рождения Наташи Михаил подготовил восхитительный фейерверк и украсил особый стул-трон для неё. Иногда вечерами Михаил выносил свой стул в сад и часами играл на флейте для своей любимой.

В начале 1910 года Михаил и Наташа вернулись в Москву, чтобы подготовиться к рождению своего ребёнка. 6 августа у них родился сын, его назвали Георгием в честь умершего брата Михаила. Михаил очень гордился своим маленьким сыном — полненьким, спокойным, с розовыми щёчками, с большими голубыми глазами и копной золотистых кудрей. Затем они вернулись в деревню, где устраивали вечера и, как дети, играли в жмурки среди лиловых кустов.

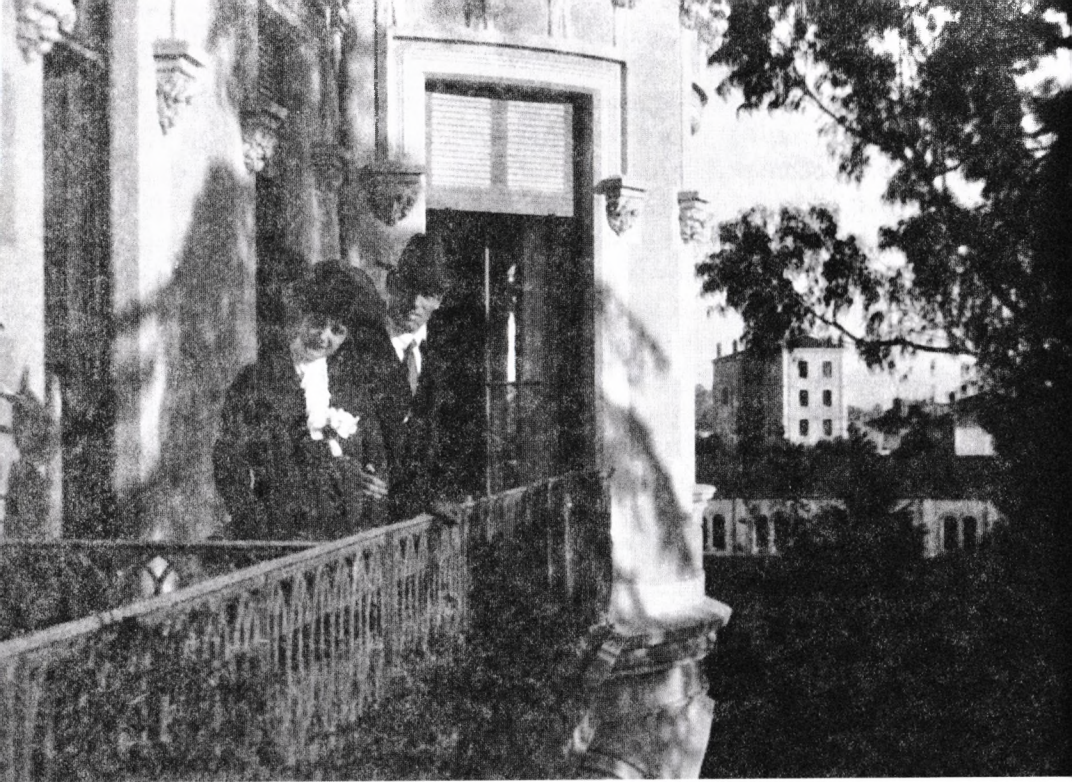
Такая беззаботная жизнь не могла долго продолжаться. Наташа всё ещё была замужем за Вульфбертом, и, следовательно, по закону Георгий был его сыном. Михаил был огорчён. Он обожал ребёнка и хотел усыновить его. Наконец Вульфберт согласился на развод и отказался от сына жены. Великий князь Михаил тотчас узаконил рождение Георгия.

Как-то Михаил и Наташа ненадолго уехали в Баварию. Когда они там находились, пришло известие о том, что Цесаревич Алексей снова был критически болен, боялись, что не выживет. Часто намекают на то, что это определило последующие поступки Михаила. Если Цесаревич умрёт, Михаил снова получит титул престолонаследника с полной вероятностью стать Императором (так как вряд ли у Николая и Александры ещё родятся дети), и тогда уже о свадьбе с замужней женщиной не могло быть речи.

Но, кажется, Михаил поступил бы по-своему в любом случае. Они с Наташей пересекли австрийскую границу и обвенчались в сербской церкви в Вене. Теперь никто не мог помешать их браку, он был законным, но сын Михаила стал простолюдином, а брак морганатическим.

Николай II написал матери, чтобы брак Михаила держался в строжайшем секрете, о нём должны знать только в семье. Но это было невозможно. Императору пришлось признать брак, он даровал Наташе титул графини Брасовой, но изгнал их из России.

Маленькая семья Великого князя Михаила провела несколько лет в роскошной ссылке, путешествуя по Европе. Склонность к проделкам Михаила (семейная черта) полностью здесь проявилась. Он любил подкладывать расчёски и сырые мочалки в постели, зашивал штанины у пижам, заполняя их конфетти, заводил будильник на неудобные часы.

«Горцы, высоко ценящие личную отвагу, с каким-то беззаветным, чисто мусульманским фанатизмом боготворят своего вождя. Между собою любовно называют В. кн. «наш Михайло». Какие восторженные письма пишут они в свои далёкие горные аулы. И каждое письмо сопровождается напоминанием, что им выпало великое счастье сражаться под командою родного брата Государя...»

Из фронтовой газеты

Костюмированный бал в Эрмитажном театре Зимнего дворца.
Великий князь Михаил Александрович в полевом наряде Царевича XVII в.
22 января 1903 г.

В начале Первой мировой войны Николай простил Михаила, и они с Наташей и сыном поторопились вернуться в Россию, бросив почти все свои вещи. Михаил снова пошёл в армию и стал командовать вновь организованной Кавказской Кавалерийской дивизией на фронте в Галиции. Дивизия состояла из шести полков добровольцев различных мусульманских национальностей. Эта дивизия, вскоре ставшая знаменитой «Дикой», отлично сражалась с австрийцами, и её воины гордились тем, что во главе их стоял единственный брат Царя. Командование знаменитой дивизией опять сделало Великого князя Михаила популярным в армии.

Дневник Михаила за этот период заполнен записями, так как он писал почти каждый день. В январе 1915 года он писал:

«В 10 час. утра Вяземские, Джонсон (его секретарь) и я отправились в отвратительный Петроград. Я поехал в свой дом на Набережной, где у меня госпиталь для 100 раненых солдат и 25-ти офицеров, который возглавляет Шляйфер. Затем я поехал к маме в Аничков дворец и оставался там до 3 час. дня. После этого мы с Наташей ходили по магазинам до 4 час. дня, затем я поехал в Царское Село встретиться с Ники».

Личный вагон Михаила был прикреплен к поезду штаба, находившегося недалеко от фронта, и Наташа могла его посещать.

Ситуация в России к этому времени была настолько напряжённой, что Романовы не могли не понимать этого. Положение на войне ухудшалось, Николай II был на фронте и ничего не знал о том, что происходило в правительстве...

Великий князь Михаил поехал в Санкт-Петербург, чтобы встретиться с Родзянко. После длительных переговоров было решено, что единственным выходом из создавшейся ситуации будет конституционная монархия, возглавляемая номинально Алексеем при регентстве Михаила. Великий князь Михаил согласился с этим.

2 марта 1917 года Великий князь Михаил писал в дневнике:

«Утром я получил ответ от Родзянко. Нам никто сегодня не мешал. Продолжается передвижение транспорта, но стрельба прекратилась. Тем не менее я должен добавить, что в армии царит полное нарушение субординации и полная анархия».

На другой день Михаил получил самое роковое послание в своей жизни, это была телеграмма от Николая II, в которой говорилось:

«Петроград, 3 марта 1917 г.

Его Императорскому Величеству Михаилу Второму. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот

«О Миша! О Джорджи! Родные мои, любимые, где вы?»

Наталья Сергеевна Брасова умерла 23 января 1952 г. в Париже. Княгиня, некогда одна из богатейших женщин России, окончила свой земной путь в полной нищете, в лечебнице для бедняков. Место для своей могилы на кладбище она выкупила двадцатью годами раньше рядом с сыном Георгием (Джорджи), погибшим в автокатастрофе.

крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники».

Некоторые министры настаивали на том, чтобы Михаил принял престол, так как монархия была единственно возможной объединяющей силой в России. Без неё, полагали эти министры, вскоре наступит анархия. Другие, такие как Родзянко и Керенский, были резко против того, чтобы Михаил принял престол. Более того, они сказали Михаилу, что не могут гарантировать ему безопасность и что его могут убить.

После длительных разговоров с членами Временного правительства пришли к решению, что Михаил должен отказаться от престола. Был написан манифест, подписанный Михаилом и датированный 4 марта 1917 года.

Большинство историков и писателей говорят о Михаиле как о Великом князе и никогда не упоминают о его титуле Императора. Некоторые историки вообще даже не упоминают, что он был Императором; те, кто упоминают об этом вскользь, пишут: «Великий князь Михаил отрёкся от престола через день». Это извратило сам исторический факт и оказало плохую услугу одному из самых благородных людей.

Манифест Михаила имеет огромное историческое значение как последний из всех известных официальных актов Династии, которая правила Россией триста четыре года. Этот документ, в конечном счете, не позволял большевикам «законно» сменить правительство и называл захват ими власти насильственным, а не законным.

Исследование документа обнаруживает несколько интересных фактов. Во-первых, и, что исключительно важно, вопреки всем писателям, Император Михаил II от престола не отрекался. Нигде в документе нет ни одного слова об отречении, отклонении или отказе.

Михаил, понимая политическое и военное положение, по сути, назвал Временное правительство регентом. Вот его точные слова: «... принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского...»

По этим словам можно судить, что Михаил оставался Императором, но давал Учредительному собранию, должным образом избранному народом, право отменить монархию или оставить, если оно так решит.

С юридической точки зрения справедливо утверждать, что Михаил Романов оставался Императором до самой своей смерти в июне 1918 года.

Заговор против века

Из статьи И. Мазилкиной
в журнале «Родина»

В конце весны 1918 года, в Перми, в номерах гостиницы Королёва, что на Сибирской улице, появился высокий блондин: осанка, фуражка военного образца, начищенные сапоги — его облик выдавал особую гвардейскую выправку. Когда же выяснилось, что «породистый» постоялец не кто иной, как российский престолонаследник Михаил Романов, высланный сюда до «особых распоряжений» Советской власти, в городе отнеслись к этому известию по-разному. ЧК присвистнула: «ого!» — и не замедлила выдать прозвище царю — «Мишка, «калиф на час» (как известно, Михаил Романов правил Российской империей всего одну ночь — с 3 на 4 марта 1918 года), а его секретарю Джонсону и вовсе — «Сельтиссон» (так назывался сорт колбасы, которую готовляли из мясных отходов). Кто-то, впрочем, усмотрел в появлении Михаила Романова «перст Господень», залог спасения от большевиков. Как бы там ни было, но его пребывание в Перми многих обескуражило. С одной стороны, «центр» запретил пермским властям посягать на имперскую особу (по указанию В. Бонч-Бруевича, Великому князю предоставлялось «право жить на свободе под надзором местной Советской власти»), с другой — губернский исполком пребывал в растерянности и никак не мог смириться с тем, что «матёрый преступник» запросто бывает в театре, «разгуливает» по цветочным и рыбным лавкам, любителю рекой Камой.

Романов если не осознавал, то наверняка предчувствовал свою обречённость. Однажды кто-то спросил его, почему, пользуясь такой свободой, князь даже не пытается сбежать. «Куда я денусь со своим огромным ростом? Меня немедленно же обнаружат», — ответил Михаил.

Он распорядился своими последними днями наилучшим образом: просто жил, ничего не предпринимая и стараясь особенно не беспокоиться, вплоть до той ночи, когда расправа всё-таки произошла.

Да, преступление совершилось, и перед читателем — горькая документальная история пермских событий 1918 года. Всё как будто

известно: состав и место преступления, обстоятельства самосуда, сведения о тех, чьими руками он совершался. Туманными остаются, несмотря ни на что, мотивы преступления. В чём, собственно, «провинились» Романовы перед Пермью, чтобы именно в этом городе была поставлена последняя точка?

Полыхали же когда-то фейерверки, надрывались пермские колокола, извещаая о приезде в город то одного наследника, то другого. И летели в воздух шапки, шляпы и платки, и тесно было на площади от народа, который и на ночь не отходил от царских покоев, дожидаясь, когда проснётся император, чтобы крикнуть ему первое «ура»... Долго не забывались эти высочайшие приезды. Вспоминали, например, уже как городское предание, посещение Александром II тюремного замка. Арестантов тогда выстроили в ряд, и государь каждого спрашивал, за какое преступление он содержится; всякий же старался высказать свои страдания и невиновность. Лишь один пал в ноги Александру и чистосердечно сознался в краже. Государь же велел ему встать и произнёс знаменитую фразу: «Бог тебя простит: прикажите уволить его отсюда в его место жительства; он один оказался виноватым, а виноватому с правыми быть вместе нельзя».

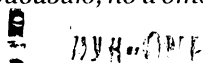
И летели в Санкт-Петербург из Перми, как, впрочем, и из любого другого города, верноподданнические телеграммы Романовым — по разным поводам. А наследники царской фамилии отсылали благодарные ответы, поздравляли пермяков с радостными событиями, с открытием в городе университета, например. Память о царских визитах застывала в камне: то больница, то гимназия, то просто ротонда сооружались «в воспоминанье» о приезде великих князей.

И записывали пермские историки на много лет вперёд печальные финальные фразы, вроде: «Его Величество сел в свой дорожный экипаж. Колокольный звон умолк. Пермь зажила своей обычной, скучной, монотонной жизнью...»

Впрочем, и верноподданнические чувства мы вправе подвергнуть сомнению, раз оказалась возможной холодная ночь с 12 на 13 июня 1918 года.

Из воспоминаний современников:

«Высокая, мускулистая фигура спортсмена в лёгком холщёвом кителе с генеральскими погонами. На груди Георгиевский крест... Он не только любимый всеми начальник, покрывший славою и себя самого и дивизию, но и отважный, не знающий страха солдат...» — пишет

с линии фронта репортёр, посетивший в начале 1915 года Туземную дивизию, которой командовал Великий князь Михаил Романов.

Более известная как «Дикая», дивизия состояла из шести полков от главных народов Северного Кавказа: кабардинцев, черкесов, ингушей, чеченцев, дагестанцев и татар. Все служили добровольно, ибо кавказцы не подлежали всеобщей воинской обязанности.

«Горцы, высоко ценящие личную отвагу, с каким-то беззаветным, чисто мусульманским фанатизмом боготворят своего вождя. Между собою любовно называют В. кн. «наш Михайло». Какие восторженные письма пишут они в свои далёкие горные аулы. И каждое письмо сопровождается напоминанием, что им выпало великое счастье сражаться под командою родного Брата Государя...»

Состав преступления

Петроград, 3 марта 1917 г.

«Его Императорскому Величеству Михаилу Второму. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники».

Так Великий князь Михаил узнал, что он стал императором и самодержцем Всероссийским.

В 6 часов утра 3 марта Михаила разбудил телефонный звонок от Керенского, где он сообщал, что Совет Министров собирается навестить его в 7 часов утра. Единственная запись в дневнике Михаила по поводу своего первого дня в качестве императора: «... в действительности они прибыли только в 9.30 утра».

Исключительно важно, что Император Михаил II от престола не отрекался. Нигде в документе нет ни одного слова об отречении, отклонении или отказе. Вот точные слова: «... принял я твёрдое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского».

Разумеется, можно усомниться в правомерности решения Михаила с политической точки зрения. Он мог бы попытаться удержать власть и подавить мятеж верными ему войсками, «остановить малой кровью кровь большую». Но не из-за «душевной слабости», а из душевной силы он отказался от такой попытки. Подписывая манифест,

Михаил следовал высшим нравственным принципам, а не сиюминутной политической выгоде.

Большевики видели в личности Михаила Романова главную демократическую альтернативу своему диктаторскому правлению. Поэтому он и был уничтожен в ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, за пять недель до екатеринбургского и алапаевского злодейств.

*Из постановления Совнаркома
за подписью В. И. Ленина
от 9 марта 1918 года*

Бывшего великого князя Михаила Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона, делопроизводителя Гатчинского дворца Александра Михайловича Власова и бывшего начальника Гатчинского железнодорожного жандармского управления Петра Людвиговича Знамеровского выслать в Пермскую губернию до особого распоряжения.

РАСПИСКА о доставке Романова и других ссыльных из Петрограда

Настоящую расписку Пермский исполнительный комитет С. Р. и С. Д. дал в том, что препровождённые арестанты: гражданин Михаил Александрович Романов (бывший великий князь), гражданин Николай Николаевич Джонсон, делопроизводитель Гатчинского дворца Александр Михайлович Власов и бывший начальник жандармского отделения Балтийской жел [езной] дор [оги] гражданин Пётр Людвигович Знамеровский действительно в Пермь доставлены и Пермским исполнительным комитетом С. Р. и С. Д. приняты.

*Подлинную подписали:
Председатель Пермского исполнительного комитета (подпись). За секретаря Карпов.*

Сопровождение из Петрограда в Пермь упомянутых в этой переписке лиц было возложено на товарищей Квятковского, Менгель, Эглита, Лейнгарта, Эликса, Гинберга и Шварда.

*О выполнении ими упомянутого поручения удостоверяю.
Управляющий делами Совета Комиссаров Петроградской трудовой коммуны С. Гусев. Секретарь (подпись).*

17 марта 1918 г.

1924 год. В Ц. К. Р.П.(б) — Пермский Окружком РКП(б).
«Совершенно секретно». По вашему запросу сообщаем:
«Михаил Романов был помещён (согласно директивам
из центра) в центре города, в одном из роскошных до-
мов — в номерах бывшего «благородного собрания», — где
и жил до перевода его в Королёвские номера.

Жизнь Михаила, вернее, великолепные условия его жизни на глазах у рабочих сделали своё дело.

Не раз и не два проходившие мимо «благородного собрания» — белого дома с колоннами — рабочие Мотовилихи возмущались: не так, дескать, жили мы, когда нас арестовывали в царские дни... Давно бы его того... укокошить надо бы, а не так...»

Затворник

В Ипатьевском монастыре начался отсчёт дней царей Романовых, в Ипатьевском доме оборвался. Первым был Михаил, и последним стал Михаил... Всякие исторические совпадения настораживают — так и кажется, что они неспроста. Почему, например, именно Уралу суждено было в один и тот же год стать последним приютом сразу для нескольких Романовых? Потому ли только, что Алапаевск, Екатеринбург и Пермь идеально подходили «центру» для того, чтобы содержать обречённых на уничтожение «государственных преступников» хоть и в отдалении, как положено, но всё же под рукой? Вероятно, не всем случайностям и «странным сближениям» можно дать рациональное истолкование. Но хоть мы и далеки от мистических «подсказок», есть соблазн озадачить читателя: чем, скажите, как не горьким пророчеством, не дурным знаком истории можно считать тот факт, что за три столетия до расправы над последним российским императором тоже в Перми и тоже Романова — уже убивали? Мало того, несчастного звали Михаилом, он приходился родным братом святейшему патриарху Филарету и дядей — Государю Царю и Великому Князю Михаилу Фёдоровичу, всея России Самодержцу.

Путешествуя в начале XIX века по Уралу, некий Н. Вагнер обнаружил на пермском погосте Ныроб каменную часовню, надпись на которой свидетельствовала, что выстроена она «в память бывшего на том месте в заточении боярина Михаила Никитича Романова». О мотивах заточения Вагнер в своих путевых заметках упоминает вскользь: «Люди мешали династическим интересам, и их устранили. Личность Михаила Никитича, вероятно, была энергичнее, сильнее, более способна для

протеста, а потому Годунов считал её безопасною только в двух тысячах вёрст от Москвы, в земле, с двухпудовыми гирями на руках и ногах».

В Нырбе Вагнер пробыл два неполных дня: прочь гнал мелкий холодный дождь со снегом. Путешественник не успел найти в церковных рукописях ничего замечательного, не обнаружил почти никаких преданий и археологических находок. Впрочем, нам довольно и того малого, что ему удалось собрать.

Из воспоминаний очевидцев

Михаила Никитича привезли сюда зимою в 1601 году, при нём находился некто Роман Тюшин, 6 человек сторожей, кои принялись выкапывать для него яму. Пока они трудились над делом сим, то Михаила Никитича, стоявшего подле саней, завалило снегом.

Утеснённый оным, схватил он обеими руками сани и отбросил оные шагов на десять в сторону. Столь необыкновенная сила удивила нырбцев; сани были так тяжелы, что едва пять человек могли оные тронуть с места. Дорывши землянку, посадили в оную Михаила Никитича, оставляя только отверстие для света, а стражи расположились в ближнем домике. Через несколько времени, когда морозы очень усилились, сделали в землянке маленькую печь. В сём положении сидел всю зиму несчастный боярин.

Михаил Никитич, просидев около года в подземелье, окончил дни свои. Носился слух, будто бы его уморили голодом, ибо буйная стража его, привыкшая к табаку и вину, не имея здесь онаго, беспрестанно роптала и, ожидая с нетерпеливостью кончину его, едва ли не споспешествовала оной.

Место преступления, очевидцы и участники

Город, ставший роковым для царя Михаила, возник у впадения маленькой речки Егошихи в Каму, на том самом месте, обозначенном каменной крепостью, где стоял медеплавильный завод, который ещё по указанию Петра I был заложен уральским строителем В. Гениным и капитаном В. Татищевым.

Пэря маа («далёкая земля») — деловитый указ Екатерины II об учреждении города раз и навсегда заменил эту карело-финскую протяжность коротким и энергичным названием — Пермь.

С тех пор прошло чуть больше столетия, и пермский историк В. С. Верховланцев без особой, кажется, гордости записал:

«Как и всякий провинциальный город, Пермь ничем не отличается от других городов. Большинство домов в городе деревянные

и одноэтажные, только казённые здания выкрашены большею частью в жёлтую краску.

Почти у каждого дома садик. Улицы были не мощёны до восьмидесятых годов XIX века. Тротуары на главных улицах, сделанные к приезду Императора Александра I, скоро обветшали и не поправлялись. Более осторожные обыватели не решались ходить по ним во избежание увечья, потому что доски их поднимались подобно клавишам музыкального инструмента».

Расправа с «царём-батюшкой» могла, наверное, произойти и в любом другом городе, как и исполнители чужой воли тоже нашлись бы везде. Нашлись они и в Перми. История сохранила биографическое досье на этих людей. Но прежде чем вчитываться в «личные дела» убийц Михаила Романова, взглянем, хоть мельком, на их не очень далёких предков. Может быть, существовала какая-то особая «пермская порода», и причины событий 1918 года заключены в антропологических и этнографических особенностях пермяков?

Из бытовых очерков И. Володина «Жизнь крепостных людей графов Строгановых в Пермской губернии» (1858 г.)

Жители имеют рост от 2-х аршин и 3-х вершков до 2-х аршин 5–7-ми и до 8-ми вершков; телосложение довольно крепкое; черты лица более круглые; волосы преимущественно русые; глаза — серые и карие; цвет кожи — белый; образование черепа — круглое; довольно сильны; живут от 50 до 60 и 70-ти лет. Чадородие имеют вообще большое против жителей других губерний России. При возмужалости подвергаются горячке, лихорадке, особенно в заводских селениях, стоящих на низкой сырой местности.

Поселяне наклонны более к трудолюбию; особенных пороков не замечалось. Характер их кроткий и в домашнем быту несварливый. Они гостеприимны, довольно целомудренны, верны данному слову и честны в сделках. Само собой разумеется, что из этого общего правила бывают иногда исключения.

Из биографического досье участников убийства Михаила Романова:

Марков Андрей Васильевич (1885–1965) — мотовилихинский рабочий, член РСДРП с 1906 года, большевик. С установлением Советской власти в Перми его назначают комиссаром по национализации и управлению культурно-просветительскими учреждениями.

Иванченко Василий Алексеевич (1874–1938) — мотовилихинский рабочий, член РСДРП с 1902 года, большевик. Участник

гражданской войны на Урале, после освобождения Перми от белых — начальник местной милиции. Заведовал отделом в Управлении городского и уездного исполкома, был членом коллегии губчека.

Жужгов Николай Васильевич (1879–1941) — мотовилихинский рабочий, член РСДРП с 1902 года, большевик. В мае 1918 года был назначен помощником начальника милиции Мотовилихинского завода. В автобиографии, написанной 3 сентября 1928 года, указывал: «По поручению Правления губчека я много выполнял важнейших дел, как то: аресты и расстрелы. Лично мною был арестован и расстрелян Михаил Романов (брат царя), Андроник (Пермский епископ), который вёл контрреволюционное выступление против Советской власти». Постановлением партийной Пермской Окружной контрольной комиссии Уральской области в 1921 году был исключён из партии за пьянство.

Новосёлов Иосиф Георгиевич (1884–1931) — член ВКП(б) с 1918 года, участник гражданской войны на Урале, в последующие годы — зав. складом, продавец, лесобъездчик.

Колпащиков Иван Фёдорович — мотовилихинский рабочий, красногвардеец.

Не будем, однако, забывать об остальном народе, который, как заметил уже известный нам путешественник Н. Вагнер, никогда «не понимал династических интересов и не сочувствовал им», а потому видел в узнике «одну из жертв грубой физической силы, видел мученика». Любопытно, что цепи боярина Михаила Никитича, хранившиеся в ниробской церкви, народ чтит, по словам Вагнера, именно как «святое воспоминание о заморённом страдальце».

Ореол мученика окружал и последнего Михаила Романова: не случайно пермские жители устраивали своеобразные паломничества в места прогулок «будущего помазанника божьего».

Комиссар Гущик:

«Вспоминая этого человека, я думаю: каким светлым порывом смоешь Ты, Россия, его безвинную кровь?»

«Растерзав прекрасного человека, что Ты дашь взамен? Сумеешь ли в конечном итоге искупить чистую кровь Последнего Михаила?»

В ссылке

В феврале 1918 года, в связи с германским наступлением на Петроград, бунтарскими настроениями масс и другими событиями, общая ситуация в стране резко ухудшилась. Нахождение Михаила Романова и других великих князей вблизи границы представлялось опасным.

Под надзором ЧК

Это послужило поводом для рассмотрения вопроса о судьбе Михаила Александровича на заседании Совнаркома 9 марта 1918 года. В протоколе Совнаркома записано: «С л у ш а л и: О высылке [великого] князя М. А. Романова и других лиц в Пермскую губ [ернию]. (Докладчик — Урицкий.) Постановили: Принять проект постановления с внесёнными поправками. Высылку М. А. Романова поручить т. Урицкому».

На этом же заседании Совнаркома было принято решение, подписанное В.И. Лениным: «Бывшего великого князя Михаила Александровича Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона (...) выслать в Пермскую губернию впредь до особого распоряжения. Место жительства в пределах Пермской губернии определяется Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, причём Джонсон должен быть поселен не в одном городе с бывшим великим князем Михаилом Романовым».

Управляющий и личный секретарь Великого князя англичанин Брайан (Николай Николаевич) Джонсон остался в нашей стране добровольно. Английский посол в Петрограде Бьюкенен рекомендовал Джонсону покинуть Россию, но тот ответил: «Я не оставлю Великого князя в такой тяжёлый момент».

Михаил Романов предчувствовал все испытания ссылки и потому взял с собой деньги, личный багаж, много книг, аптечку и автомобиль «роллс-ройс». За своим господином в Пермь добровольно

Революционные дни в Петербурге

последовали камердинер В. Ф. Челышев и шофёр П. Я. Борунов. На все просьбы графини Н. С. Брасовой, желавшей разделить участь мужа, Великий князь отвечал ей отказом и, наконец, уговорил остаться в Гатчине и ждать исхода событий.

В Перми ссыльных встретили негостеприимно, о чём можно судить по телеграмме Михаила Романова, направленной Бонч-Бруевичу и Урицкому:

«Сегодня двадцатого [марта] объявлено распоряжение местной власти немедленно водворить нас всех [в] одиночное заключение [в] пермскую тюремную больницу, вопреки заверению Урицкого о жительстве [в] Перми [на] свободе, но разлучно с Джонсоном, который телеграфировал Ленину, прося Совет [Народных Комиссаров] не разлучать [нас] ввиду моей болезни и одиночества. Ответа нет. Местная власть, не имея никаких директив центральной [власти], затрудняется, как иначе поступить. Настоятельно прошу незамедлительно дать таковые. Михаил Романов».

Две телеграммы в адрес Пермского Совета депутатов — из Совнаркома за подписью Бонч-Бруевича и из Петроградской ЧК за подписью Урицкого — указывали:

«В силу постановления, Михаил Романов и Джонсон имеют право жить на свободе под надзором местной Советской власти».

Пермский Совет принял указание к руководству, но со своей стороны предупредил Михаила Романова, что тот освобождается без всякой гарантии и исполком не берёт на себя ответственность за последствия.

Когда Пермский губисполком связался с центром и, указывая на создавшееся положение, снял с себя ответственность за «целость» Романова, то, по предложению Петрограда, надзор был поручен местной ЧК.

*Предписание Пермской губернской ЧК Михаилу Романову
о гласном надзоре
20 мая 1918 г.*

*Гражданину Романову М. А. (Королёвские номера)
Предлагаем Вам ежедневно в 11 часов утра являться
в Чрезвычайный Комитет, по адресу: Петропавловская-
Оханская [улица],
д. № 33 — Пермькова.
Председатель [Чрезвычайного] Комитета Ф. Лукоянов.
Заведующий Отд. борьбы с контрреволюцией
А. Трофимов.
Секретарь [Наумов].*

Об этом событии Михаил Александрович 8/21 мая 1918 года сделал следующую запись в своём дневнике: «В 11 час. Дж [онсон], Василий [Челышев] и я отправились в Пермскую окружную Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Я получил бумагу, в которой мне предлагается являться туда ежедневно в 11 час. (Люди добрые, скажите, что это такое.) После этой явки я отправился домой (...)».

Сохранились воспоминания некоего господина Крумниса, написанные им в эмиграции (он проживал в Королёвских номерах гостиницы в то время, когда там же находился Великий князь):

«... Великий князь часто заходил в магазин Добрина, что на Сибирской улице, где беседовал с его доверенным о разных делах. Однажды доверенный Доб [рина] спросил его, пользуясь свободой, не принимает мер к побегу. На это Великий князь ответил: „Куда я денусь со своим огромным ростом. Меня немедленно же обнаружат“. При этом он всегда улыбался».

Живя «на свободе», Михаил Романов имел возможность скрыться, но этим поступком он опасался усложнить положение своих родственников.

Поводов для беспокойства было более чем достаточно. В прессе публиковались материалы о переводе Николая II в Екатеринбург и предстоящем судебном процессе над ним.

Находясь под надзором, Великий князь был связан с друзьями и некоторыми родственниками перепиской, существовала и непо-

средственная живая связь между Пермью и Петроградом. В начале мая в Пермь приезжала его жена. Этому событию посвящены многие строки в дневнике:

«Пермь, 25 [апреля]/8 мая. Среда. Утром читали, после завтрака я познакомился с инженером Эльжановским. Около 3¼ часа Наташа, Джо [нсон] и я на извозчиках поехали к Тупицыным, где пили чай и ели много вкусных вещей. В 7 час. простились с ними. Наташа поехала, а Дж [онсон] и я пошли до дома пешком. Вечером к чаю пришёл Петр Нилович Второв. Погода была отвратительная (...).

Пермь, 27 [апреля]/10 мая. Пятница. Около 11½ Борунов и я переехали на лодке на другую сторону Камы (поселение Средняя Курья), там мы пошли налево вдоль опушки леса, затем, выйдя к реке, переехали обратно. После завтрака был у нас датский вице-консул Рее с секретарём австрийцем — мы угостили их кофе. В 5½ Наташа, Дж [онсон] и я отправились в Петропавловский собор, где служил пасхальную вечерню архиепископ Андроник, — служит он очень хорошо. Вечером я играл на гитаре. (...)»

Жизнь Михаила Романова шла своим чередом, но Брасова не хотела мириться с высылкой мужа. Поняв, что его судьбу могут решить только высшие советские власти, она решила ехать в Москву. По сведениям представителя английской миссии Р. Вильтона, графиня Брасова встречалась с председателем Совнаркома В.И. Лениным и ходатайствовала о разрешении Михаилу Романову выезда из России, но безрезультатно.

В стране разгоралась гражданская война. С захватом белочехами 26 мая Челябинска и 7 июня Омска движение поездов на Сибирь прекратилось, и в Перми скопилось около 10 тысяч пассажиров, пытавшихся проехать на восток. Среди них было много военных, в том числе сочувствующих белому движению. Властям повсюду мерещились контрреволюционные заговоры и перевороты.

Последняя запись в дневнике Михаила Романова была сделана 11 июня, т. е. за день до трагической развязки, и ничего особенного не предвещала: «Сегодня были боли послабее и менее продолжительные (в этот период у Великого князя началось обострение давней болезни. — *Прим. авт.*). Утром читал. Днём я на час прилёг. К чаю пришёл Знамеровский и мой крестник Нагорский (правовед), он кушал с большим аппетитом, ещё бы, после петроградского голода. Потом я писал Наташе в Гатчину. Доктор Шипицин зашёл около 8½. Вечером я читал. Погода была временами солнечная, днём шёл недолго дождь, 13½, вечером тоже. Около 10 зашёл мой

Великий князь Михаил Романов
с секретарём Николаем
Джонсоном.
На обороте рукой Великого князя
написано: «Пермский пленник».
И тут же — обет, что не сбреет
бороду, пока снова не станет
свободным...
Апрель 1918 г.

Гостиница Королёва в Перми, где
находился под надзором Великий
князь Михаил Романов

По этой улице любил гулять Великий князь

До осени 1917-го Великий князь Михаил с женой свободно проживали на Гатчине. На предложение тайно бежать за границу Михаил Александрович ответил: «Я не могу бежать из своей страны...»

крестник правовед Нагорский проститься, он сегодня же уезжает в Петроград».

Следует заметить, что Михаил Александрович регулярно и аккуратно заполнял дневник, и отсутствие последней записи 12 июня 1918 года наводит на определённые размышления. Возможно, он просто не успел заполнить дневник, а возможно, последняя запись была изъята после обыска помещения чекистами. Во всяком случае, Михаил Романов перед арестом был поднят из постели, о чём имеются несколько свидетельств очевидцев.

«Версия для печати»

15 июня 1918 года газеты опубликовали сообщение «Похищение Михаила Романова»:

«В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в Королёвские номера, где проживал Михаил Романов, явилось трое неизвестных в солдатской форме, вооружённых. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только секретарём Романова Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фэзтон и увезли по Торговой улице по направлению к Обвинской.

Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через несколько минут после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещениях Романова, Джонсона и двух слуг не дал ника-

ких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в Петроградскую коммуны и в Уральский областной Совет. Проводятся энергичные розыски».

В этих же номерах газет давалась информация о ложности слухов о расстреле Николая II (его расстреляют через месяц).

До появления газетных сообщений события развивались следующим образом. 13 июня 1918 года Пермской ЧК было принято:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1918 года, июня 13 дня, Чрезвычайный Комитет по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, рассмотрев заявление, переданное по телефону из гостиницы Королёвские номера в 12 ч. 15 мин. ночи 12-20 на 13-е сего июня, об аресте тремя неизвестными Михаила Романова и имея в виду, что в данном случае усматриваются признаки преступного деяния, предусмотренные постановлением Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией],

Председатель Чрезвычайного Комитета [Ф. Лукоянов].

Члены: А. Трофимов.

Поручается следователю по борьбе с контрреволюцией тов. Меньшикову.

В тот же день Пермская ЧК послала тревожную телеграмму одновременно в несколько адресов:

«Москва. Совнарком. Чрезком. Петроградская коммуна. Зиновьеву. Копия: Екатеринбург. Облсовдеп. Чрезком.*

Сегодня ночью неизвестными [в] солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов, приняты самые энергичные меры. Пермский округ. Чрезком».

** На телеграмме имеется помета: Дзержинскому, Троцкому. постановил: произвести по означенному делу следствие.*

Трудно сказать, насколько эти события оказались неожиданными для советских органов, но председатель Уральского облсовета Белобородов срочно направил телеграфный запрос в Пермскую ЧК: «Немедленно телеграфно сообщите: когда был привезён [в] Пермь Михаил, кому сдан, каковы были указания [о] режиме, от кого они ис-

ходили, какие меры принимал губсовдеп [по] усилению режима, кем было отменено содержание его [в] тюрьме? Что дало следствие, кто арестован, их фамилии, [а] также показания?»

Так называемый «побег» Михаила Романова был использован властями для ужесточения режима содержания Царской семьи в Екатеринбурге и Великих князей в Алапаевске и Вологде. Одновременно Пермская ЧК начала следствие по делу исчезновения Великого князя Михаила Александровича и его секретаря Джонсона. Были арестованы все, находившиеся в близких отношениях с ними. Но следствие не завершилось, а арестованные в большинстве своём были расстреляны.

Многочисленные газеты пестрели сообщениями: «Распространились слухи, что великий князь Михаил Романов находится в Омске и принял главенство сибирскими повстанцами. Им якобы издан манифест к народу с призывом к свержению Советской власти и обещанием созвать Земские соборы для решения вопроса, какая власть необходима России».

Очевидно, чтобы сбить эту волну, было подготовлено к печати фальсифицированное объявление о задержании Михаила Романова. Но в самый последний момент по какой-то причине оно было снято с газетных полос, где вместо него остались зиять чёрные (заштампованные) или белые (снятый набор гранок) квадраты. Под заштамповкой в пермских газетах от 18 сентября 1918 года в лабораторных условиях читается следующий текст:

«Задержание Михаила Романова.

После побега бывшего великого князя Михаила Романова контрразведкой Пермской губернской Чрезвычайной Комиссии были разосланы агенты по всем направлениям для задержания Михаила Романова. 12 сентября в [10] верстах от Чусовского завода, по Па[шийскому] тракту, одним из посланных агентов было обращено внимание на двух проходящих по направлению к Пашийскому заводу лиц, которые держали себя довольно подозрительно. Один из них, высокого роста, с русой бородой «буланже», особенно обратил на себя внимание. Агент потребовал от этих лиц предъявления документов. Последние показались ему сомнительными, а потому вышеуказанные лица были задержаны и препровождены в Пермскую губернскую Чрезвычайную Комиссию для выяснения личности.

После ряда сбивчивых показаний при допросе, а также ненормальности лица (по наблюдению, лица у них были загримированы), им предложено было назвать свои фамилии и снять свой грим (...). После снятия грима нами были опознаны в них бывший великий князь Михаил Романов и его секретарь Джонсон, каковые тотчас были заключены под сильную охрану.

По делу побега ведётся в спешном порядке следствие, результаты допроса будут опубликованы».

Несмотря на то, что фальшивку не решились запустить в ход, всё же утечка дезинформации произошла. Так, сохранилась телеграмма РОСТА, переданная 20 сентября 1918 года по прямому проводу из Москвы в Киев (бывший в то время центром монархического движения). Текст телеграммы лаконичен: «Пермь, 18 сентября. В 10 верстах от Чусовского завода агентом Пермского губчрезкома задержаны Михаил Романов и его секретарь. Они препровождены в Пермь».

Заложников расстрелять

Телеграмма Председателя ВЦИК Я.М. Свердлова в Пермскую ЧК об участии прислуги Романовых:

«21 августа 1918 г.

Пермь. Чрезвычайная Комиссия. Воробьёву. Относительно прислуги Романовых предоставляю поступить [по] вашему усмотрению согласно обстоятельствам.

Председатель ВЦИК Свердлов».

Сообщение газеты «Известия Пермского губисполкома»

11 сентября 1918 г.

К РАССТРЕЛУ ЗАЛОЖНИКОВ

В редакцию доставлен следующий дополненный с более подробными сведениями список заложников, расстрелянных по постановлению губчека (в связи с побегом Михаила Романова. — Ред.):

1. Лебедь Георгий Сигизмундович (бывший штабс-ротмистр). 2. Приемских Николай Николаевич (горный инженер). 3. Шардаков Николай Афанасьевич (служащий железной дороги). 4. Мартыни Тадэуш Леонардович (инженер-технолог, помощник управляющего Юго-Камского завода). 5. Крупский Сгибней Андреевич (помощник

управляющего Юго-Камского завода, горный инженер). 6. Кобяков Степан Степанович (завед. мартеновским цехом Юго-Камского завода). 7. Рейнек Эндель (бывший офицер, к-р 4 роты эстонского полка). 8. Бурмакин Дмитрий Андреевич (бывший начальник Кизеловской каторжной тюрьмы). 9. Шелковский Пётр Иосифович (чиновник военного времени). 10. Спешиллов Александр Леонтьевич (приказчик). 11. Лубяненко Михаил Петрович (бывший прапорщик). 12. Пашкин Виктор Павлович (помощник начальника тюрьмы). 13. Чердынцев Анатолий Никандрович (бывший подполковник). 14. Егоров Фёдор Николаевич (бывший жандарм, полковник). 15. Токачев Егор Еремеевич (охранник охранки). 16. Ерьянц Георгий Авдеевич (бывший офицер). 17. Козубенко Михаил Андреевич (начальник станции Лысьва). 18. Венштейн Александр Александрович (приказчик). 19. Безенкович Георгий Петрович (бывший пристав). 20. Новиков Виктор Иванович (бывший подпоручик). 21. Иванова Евгения Ивановна (учительница, сестра милосердия у Дутова). 22. Ивачев Николай Дмитриевич (бывший прокурор суда). 23. Харламов Владимир Иванович (начальник тюрьмы). 24. Фаддеев Иван Осипович (бывший урядник). 25. Чelyшев Василий Фёдорович (монах). 26. Волков Алексей Андреевич (слуга Николая II). 27. Шнейдер Екатерина Адольфовна. 28. Гендрикова Анастасия Васильевна. 29. Шатунов Василий Иванович (бывший офицер). 30. Ниголь Август Карлович (эстонский пастор). 31. Клуш Иона Андреевич (помощник пристава). 32. Кузнецов Пётр Егорович (бывший жандарм). 33. Казаков Иван Михайлович (бывший жандарм). 34. Гильков Александр Александрович (бывший прокурор суда). 35. Дробинин Андрей Кузьмич (бывший жандарм). 36. Федосеев Иван Афанасьевич (бывший жандарм). 37. Скуев (бывший исправник). 38. Федотов Фёдор Павлович (бывший охранник и жандарм Петрограда). 39. Сипягин Владимир Васильевич (правый эсер). 40. Дюпин Матвей Петрович (правый эсер). 41. Пенчук Вацлав Семёнович (инженер). 42. Аландер Георгий Петрович (помощник начальника тюрьмы).

По описямъ:

По настольной №

„ архивной №

ДѢЛО

О, Гофмейстеру Е. Великого
Низзя Михаила Александровича
Романова из Гостиницы
Боролевской Нюмера.

Началось 1918 года.

Кончилось 191 года.

На _____ листахъ.

Сфальсифицированное «дело» о похищении
Михаила Романова.

Соколов. Первое следствие

Когда следователь Н. А. Соколов приступил к расследованию дела об исчезновении Великого князя Михаила Романова, он совершенно не ведал: был ли тот похищен или сбежал, как утверждали советские газеты, а может и убит. К концу следствия стало очевидно: вся история с похищением и побегом — фальсификация Пермской ЧК.

10 февраля 1920 г. Н. А. Соколов в постановлении определил, что из дела № 20 об убийстве отрекшегося от престола государя императора Николая II и его семьи необходимо выделить обстоятельства, относящиеся к убийству Великого князя Михаила Александровича.

Дело об убийстве Великого князя Михаила Александровича включает следующие документы: это допрос 5–6 марта 1919 г. в г. Омске П. А. Жильяра. П. А. Жильяр со слов А. А. Волкова рассказал о событиях ночи с 12 июня на 13 июня 1918 г., произошедших в Королёвских номерах.

В дело включены три телеграммы, обнаруженные членом Екатеринбургского суда И. А. Сергеевым 5 сентября 1918 г. Эти телеграммы Н. А. Соколов осматривал 25 марта 1919 г. в г. Екатеринбурге. Речь в них идёт об усилении режима по отношению алапаевских узников ввиду исчезновения Великого князя Михаила Александровича.

Н. А. Соколов включил в дело и выписку из газеты «Современная Пермь» (Чехословаков) от 25 мая 1919 года, где содержались сведения о якобы удачном побеге Великого князя Михаила Александровича с секретарём Джонсоном по Каме и далее до Иркутска.

Интерес представляет протокол допроса свидетельницы, Веры Николаевны Карнауховой, 27 лет, мещанки из г. Чердынь Пермской губернии, постоянное местожительство г. Пермь, родной сестры Фёдора Лукоянова.

В. Н. Карнаухова рассказала следователю о том, что в июне месяце в комитете партии большевиков у неё состоялся разговор с пред-

МИНИСТРЪ
Юстиціи.

7 декабря 1919 г.
№ 1990.

секретно.
Г. Судебному Следователю по особо
важным делам Н.А. Соколову.

На основании 288¹ ст. Уст. Уг. Суд.
предлагаю Вамъ приступить къ производству
предварительнаго слѣдствія по признакамъ
1453 ст. Улож. о наказ. по дѣлу объ убій-
ствѣ бывшаго Великаго Князя Михаила але-
ксандровича, принявъ исходнымъ матеріаломъ
данныя, имѣющіяся въ постановленіи Вашемъ
отъ 7 октября 1919 года по дѣлу объ убій-
ствѣ бывшаго Императора Николая II и его
семьи.

За Министра

Товарищъ Министра Юстиціи

И.Д. Вице-Директора

Предложение министра
юстиции об открытии следствия
по делу об убийстве Михаила
Романова

ИЗЪЯТИЕ

1919 года декабря 22-го Судебный Следователь по осо-
бо важнымъ деламъ при Особомъ Судебномъ Дѣлѣ Н.А. Со-
колова, рассмотрѣвъ предложеніе Министра Юстиціи отъ
7 сего декабря за № 1990 по дѣлу объ убійствѣ Велико-
го Князя Михаила Александровича, на основаніи 288¹ ст.
уст. угод. суд., постановилъ по постановке дѣлу пр-
ступить къ производству предварительнаго слѣдствія по
признакамъ преступленія, предположеннаго 1453 ст.
улож. о нак.

Судебный Следователь

Постановление следователя
Н.А. Соколова о возбуждении
уголовнаго дела

Революция застала Николая
Алексеевича Соколова
в должности судебного
следователя по важнейшим
делам в Пензе. Осенью 1918 г.
этот человек, переодевшись
крестьянином, прошёл
через полыхающую огнём
гражданской войны всю
Россию в Омск, чтобы
послужить несбыточному делу
восстановления российской
монархии...

В этом маскировочном
костюме Соколов пробрался из
Центральной России
в Сибирь

Д
КОПИЯ

№ 1347/27

ТЕЛЕГРАММА.

Суккин-Министру.

Омск 16-го Сентября, 1919 г. №-2336.

" Прошу сослать графиню БРАСОВУ, в ответ на ее письмо:
Все сведения, которыми я располагаю, не дают никаких
указаний о пребывании Великого Князя НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРО-
ВИЧА в Омске или на Дальнем Востоке. Судьба его остав-
ся совершенно неизвестной после его ухода из Екатерин-
бурга в 1917 прошлого года и все попытки выяснить ее не
дали результатов. Князь Владимир Алексеевич НВЕРСКИН
находится в войсках восточного фронта и надеюсь снать
в Омск здоровым и невредимым."/под./ Адмирал КОДЧАКЪ

Телеграмма от Верховного
правителя России
А.В. Колчака
1919 г.

седателем комитета партии Ляком. Он рассказал ей, что ночью из Королёвских номеров был увезён Михаил, ему предъявили мандат от Чрезвычайной следственной комиссии и увезли. После этого в совдеп кто-то позвонил по телефону, но погоня по разным направлениям ничего не дала.

Ляк говорил, что хоть и было объявлено в газетах, что Михаила Александровича увезли «единомышленники», но оставалось сомнение в этом. В Чрезвычайной следственной комиссии как-то странно встретили известие об увозе Михаила Александровича, подчеркнул Ляк; не особенно взволновались. Он там как раз был в то время, когда там было получено телефонное сообщение об увозе Михаила Александровича. В.Н. Карнаухова отметила, что Ляк сам подозревал, что Великого князя увезли не «единомышленники», а из Чрезвычайной комиссии посланные, и расстреляли где-либо.

В.Н. Карнаухова передала следователю следующую фразу, услышанную ею в комитете партии большевиков от члена Чрезвычайной следственной комиссии Г. Мясникова: «Дали бы мне Николая, я бы с ним расправился как с Михаилом».

В деле находится докладная записка М. Сретенского, в которой он изложил сведения о Михаиле Александровиче, полученные во время его пребывания в Перми в июне 1919 г.

М. Сретенский докладывал судебному следователю Омского окружного суда по особо важным делам Н. А. Соколову:

«Во время пребывания моего в текущем июне м[есяце] в г. Перми об участии Великого князя Михаила Александровича удалось мне выяснить следующее.

Жительница г. Перми Вера Константиновна Кобяк говорит, что Михаил Александрович, а также его приближённые: личный адъютант Николай Николаевич Джонсон, ж. [железнодорожный] полковник Знамеровский, камердинер Челышев и шофёр Борунов доставлены были в г. Пермь в начале 1918 г. С железнодорожной Пермской станции они принуждены были идти пешком до дома губернского комиссара, где им пришлось ожидать часа 2—3 и когда, наконец, явился к ним какой-то комиссар и спросил об их личностях, то Великий князь от переутомления и упадка духа сам не мог говорить, а за него отвечал Джонсон. Прибывшим для житья отведены были клубные номера на Сибирской улице. Гласного караула за ними со стороны красноармейцев не было. Великий князь пользовался правом свободных прогулок по городу; не воспрещалось и его навещать желавшим, чем воспользовался муж упомянутой Кобяк, Георгий Игнатьевич, бывший

Михаил Александрович Романов отслужил на передовой больше, чем кто-либо другой из Великих князей, командовал дивизией, участвовавшей в жестоких боях, проявив при этом «личную храбрость и мужество», о чём свидетельствовал его Георгиевский крест, и теперь стоял во главе крупного фронтового соединения — 2-го Кавалерийского корпуса

офицер, домовладелец, лично мне знакомый более 20 лет. Между Великим князем и семьей Кобяка началась дружба, последний почти ежедневно навещал Великого князя, и он неоднократно заходил к Кобяку. Жена Кобяка посылала завтраки по особому вкусу князя, т. к. он страдал язвой желудка. Через некоторое время Великий князь и его приближённые из клубных номеров переведены были в Королёвские номера на Сибирской улице. Туда прибыла супруга Великого князя, Наталья Сергеевна, она, побыв некоторое время, отправилась в Гатчину за своими детьми. В её отсутствие Кобяк, по обыкновению, в праздник Вознесения Господня послала завтрак, который в номерах не был принят. Скоро семье Кобяк стало известно, что в ночь на Вознесение в номера явились трое неизвестных мужчин, которые комиссару номеров предъявили бумагу с печатью от Пермского исполкома о взятии Великого князя. Последний намерен был переговорить с кем-то по телефону, но ему воспрещено было сделать это, и в течение каких-нибудь 5 минут Великий князь и Джонсон были выведены из помещения номеров.

20–23 августа 1919 г. в г. Омске Н. А. Соколов допрашивал А. А. Волкова, который сообщил следующее: «20 июля 1918 г. его, Гендрикову и Шнейдер взяли из Екатеринбургской тюрьмы, 23 июля привезли в Пермь и посадили в тюрьму, в т. ч. и Елену Петровну с миссией. В этой тюрьме с ними сидел камердинер Великого князя Михаила Александровича Василий Фёдорович Челышев. После увоза из гостиницы Михаила Александровича и его секретаря Джонсона В. Ф. Челышев отправился в «совдеп» и заявил там об аресте Михаила Александровича. По его словам, на это не было обращено внимание, и спустя час большевики стали делать что-то вроде погони за Михаилом Александровичем. На него же они произвели именно то впечатление, что они нисколько не поспешили догнать Михаила Александровича.

Куда и как они были дальше отправлены, Кобяк не знает, она убеждена, что Великий князь был похищен какой-нибудь монархической организацией, но существовавшая в то время в Перми монархическая организация участия в этом не принимала.

После похищения Великого князя ночью же советская власть подняла тревогу, по всем направлениям посланы были телеграммы и нарочные о розыске и задержании Великого князя, начались обыски и аресты, в том числе арестованы были управляющий номеров Сапожников, семья Кобяка, упомянутые выше Знамеровский, Челышев и Борунов. Причём последние трое были расстреляны, сам Кобяк смертельно заболел и умер, и только благодаря этому его семейные спаслись от расстрела. О похищении Великого князя извещена была телеграммой его супруга, и она в Пермь больше не прибыла.

11 декабря 1919 г. в г. Чите Н. А. Соколову князь В. А. Вяземский, адъютант Великого князя Михаила Александровича, представил Р. М. Нахтмана, который рассказал следователю следующее: «Население города Перми, как мне удалось это заметить, относилось к Михаилу Александровичу прекрасно. Он принуждён был ходить преимущественно по вечерам: иначе его окружал народ и открыто выражал ему своё сочувствие. Провизией его затаскивали: почти каждый день у него в номере была в банке свежая стерлядь. Великий князь занимал в Королёвских номерах четыре номера: 18–21. Джонсон жил не в 8 номере, как я вчера сказал, а в 18. Сам Великий князь с Наталией Сергеевной занимали 21 номер, остальные два номера занимали камеристка Екатерина Даниловна и лакеи Борунов и Челышев. Я видел в Перми на Михаиле Александровиче такой костюм: серую шляпу, поля которой он обыкновенно опускал, серую английскую накидку из резины (плащ), гимнастёрку защитного цвета, без погон, защитные штаны и высокие сапоги.

Я ни малейшего сомнения не имею в спасении Михаила Александровича. Конечно, его вместе с Джонсоном похитила организация и увезла по Каме. Весь вопрос в том, где он теперь находится...»

В Перми на квартире Знамеровского Р. М. Нахтман был представлен Великому князю Михаилу Александровичу и его супруге Наталии Сергеевне. П. Л. Знамеровский после ухода Михаила Александровича посвятил Нахтмана в план подготовки побега Великого князя вверх по Каме. Он показывал карту, на ней были нанесены отдалённые северные монастыри. Указывая на них, Знамеровский высказал надежду получить помощь при бегстве в этих монастырях.

13 июня 1918 г. Р. М. Нахтман был в Гатчине у княжны Вяземской. Она сказала ему, что из Перми получена телеграмма следующего содержания: «Наш общий любимец и Джонсон вывезены неизвестно кем и куда». По просьбе Наталии Сергеевны 22 июня 1918 г. Р. М. Нахтман выехал в Сибирь вместе с князем Вяземским на розыски Великого князя. Они были в городах Омске, Челябинске, Томске, но глухие слухи о возможном нахождении Михаила Александровича не оправдались.

В архиве Н. А. Соколова сохранился допрос (А. Кирстой 11 февраля 1919 г.) А. С. Рябухина. А. С. Рябухин рассказал, что в одной из поездок в деревню Ключики по Казанскому тракту из г. Перми он услышал от А. И. Плешкова — бывшего начальника милиции в Мотовилихе — что у «... него личные счёты с помощником начальника милиции коммунистом Жужговым, несмотря на то, что мы с ним сделали такое дело, как арест Великого князя Михаила Александровича». А. И. Плешков поведал о том, что ночью они забрали из гостиницы Михаила Александровича и увезли на Сибирский тракт и свернули в сторону. Там в Великого князя выстрелил Жужгов, но у него произошла осечка, в это время Великий князь взял за шиворот и повалил Жужгова под себя. Только после выстрела А. И. Плешкова в князя Жужгов освобождился. А. С. Рябухин спросил у А. И. Плешкова: «В каком месте точно это было?», который ему ответил: «Ну, это я тебе не скажу».

4 июля 1922 г. Н. А. Соколов встречался в г. Париже с бывшим членом Государственной Думы Н. Е. Марковым.

Н. Е. Марков просил судебного следователя сообщить ему, в целях его политической деятельности, убит ли большевиками Великий князь Михаил Александровича.

Судебный следователь высказал Н. Е. Маркову, что факт убийства в г. Перми Великого князя Михаила Александровича большевиками, в сопоставлении его с фактом убийства в г. Екатеринбурге государя императора Николая II с его семьей и с фактом убийства в г. Алапаевске Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, Великого князя Сергея Михайловича и иных августейших особ, не представляет никаких сомнений.

Убийство в Перми

Из книги следователя Н. А. Соколова «Убийство Царской семьи»

Спасся ли Великий князь Михаил Александрович? Он был выслан из Гатчины в феврале 1918 года и жил в Перми, пользуясь сравнительной свободой, в гостинице купца Королёва.

В этой же гостинице жили его секретарь Николай Николаевич Джонсон, камердинер Василий Фёдорович Челышев и шофёр Борунов.

12 июня вечером у Великого князя был его повар Георгий Фёдорович Митревели, живший отдельно в своей квартире.

По приказанию Великого князя Митревели должен был утром 13 июня явиться к нему.

Митревели утром явился в гостиницу Королёва, но не нашёл здесь ни Великого князя, ни Джонсона, ни Челышева с Боруновым.

От прислуги гостиницы он узнал, что минувшей ночью великий князь с Джонсоном был куда-то увезён большевиками, Челышев же с Боруновым спустя некоторое время были арестованы.

Мне удалось установить, что оба последние содержались большевиками в Пермской тюрьме, откуда они по ордеру Пермской ЧК от 21 сентября 1918 года за № 3694 были уведены и через некоторое время, по сведениям тюремного начальства, расстреляны.

В одной камере с Челышевым содержался уже известный нам камердинер Государыни Алексей Андреевич Волков.

Челышев рассказал Волкову, как был увезён Великий князь Михаил Александрович.

При допросе у меня Волков показал:

«В одной тюрьме с нами (в Перми) сидел камердинер Великого князя Михаила Александровича Василий Фёдорович Челышев. С ним я встречался в коридоре, и он мне рассказывал, как он попал в тюрьму.

Михаил Александрович проживал в Перми в Королёвских номерах, где в другом номере жил с ним и Челышев. Там же жил и его секретарь Джонсон. Приблизительно недели за полторы, как говорил

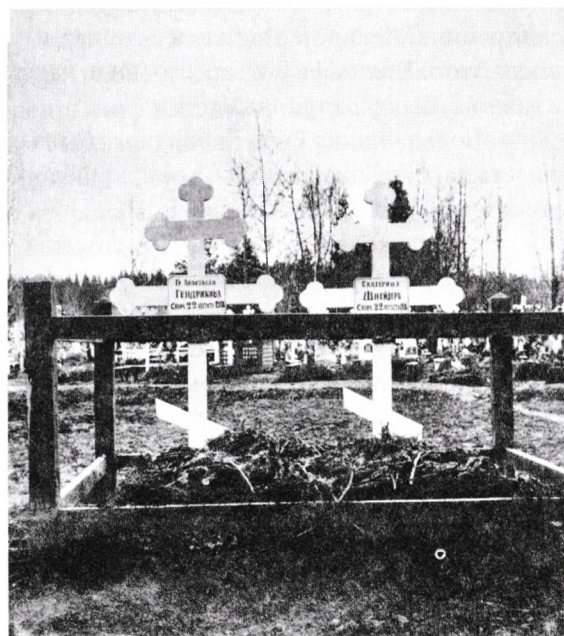

Великие князя Михаил Александрович
(он был заядлым автомобилистом)
и Борис Владимирович на Гатчине

Гоф-лектриса Е. Шнейдер,
граф И. Татищев, учитель
П. Жильяр,
графиня А. Гендрикова,
генерал-майор
В. Долгоруков —
они все добровольно
последовали в ссылку
с Царской семьёй.
Тобольск

Могилы Е. Шнейдер
и А. Гендриковой,
убитых в Перми

Челышев, до нашего прибытия в Пермь, ночью, часов в 12, пришли в Королёвские номера какие-то трое вооружённых людей. Были они в солдатской одежде. У них у всех были револьверы. Они разбудили Челышева и спросили, где находится Михаил Александрович. Челышев указал им номер и сам прошёл туда. Михаил Александрович уже лежал раздетый. В грубой форме они приказали ему одеваться. Он стал одеваться, но сказал: «Я не пойду никуда. Вы позовите сюда вот такого-то. (Он указал, кажется, какого-то большевика, которого он знал.) Я его знаю, а вас я не знаю». Тогда один из пришедших положил ему руку на плечо и злобно и грубо выругался: «А, вы, Романовы! Надоели вы нам все!» После этого Михаил Александрович оделся. Они также приказали одеться и его секретарю Джонсону и увели их. Больше Челышев не видел ничего и не знал, в чём и куда увели Михаила Александровича. Спустя некоторое время после этого (когда Михаил Александрович уже был увезён), Челышев сам отправился в Совдеп, — как он мне говорил, и заявил там об увозе Михаила Александровича. По его словам, на это заявление не было обращено внимания, и спустя час, как он мне говорил, большевики стали делать что-то вроде погони за Михаилом Александровичем, но в чём она выразилась, Челышев не говорил. На него же они произвели впечатление, что они нисколько не спешили догонять Михаила Александровича и вообще как бы не обратили должного внимания на его заявление. Я забыл ещё сказать, что, когда Михаил Александрович уходил из номера, Челышев ему сказал: «Ваше Высочество, не забудьте там взять лекарство». Это были свечи, без которых Михаил Александрович не мог жить. Приехавшие как-то обругались и увели Михаила Александровича. Лекарство же так и осталось в номере. На другой же день после этого Челышев был арестован и, как я потом читал в Тобольске в газетах, был расстрелян».

Большевичка Вера Карнаухова была секретарём Пермского комитета партии большевиков, а её брат Фёдор Лукоянов — одним из следователей Уральской областной ЧК.

Карнаухова показала: «Пришёл как-то в наш комитет чекист Мясников, человек кровожадный, озлобленный, вряд ли нормальный. Он с кем-то разговаривал, и до меня донеслась фраза: «Дали бы мне Николая, я бы с ним сумел расправиться, как и с Михаилом».

Данными моей агентуры установлено, что великий князь вместе с Джонсоном был увезён пермскими чекистами в соседний с Пермью Мотовилихинский завод, где они оба и были убиты.

Их тела были там же, видимо, сожжены.

После этого большевики распространили в Перми слух, что Великий князь был увезён монархистами, а в Москве они распространили должное известие, что в Екатеринбурге убит Государь Император.

Это последнее известие появилось в Москве, и я имею много подлинных телеграмм их ответственных деятелей, точно устанавливающих этот факт.

Таким путём они отвлекли внимание общества от особы великого князя, приковав его к мнимому в то время факту гибели Государя.

Слух о «спасении» Великого князя многими был принят с доверием, так как убийство Государя было скоро опровергнуто ими же самими.

В Перми вместе с камердинером Государыни Волковым содержалась графиня Гендрикова и Шнейдер.

Волков показал у меня на допросе:

«В ночь на 22 августа по старому стилю меня привезли из камеры в контору. Тут же были и Гендрикова со Шнейдер. Отсюда нас повели в Арестный дом и ввели в особую комнату, где было 8 человек. Здесь же было 22 вооружённых человека. Это были, очевидно, палачи. Среди них были и русские, но по большей части были и не русские, а, видимо, латыши, хотя, быть может, были и мадьяры. Командиром у них был какой-то человек в матросской одежде. Мы сидели ждали света. Гендрикова мне шепнула, с чьих-то слов, что нас отведут в пересыльную тюрьму, а потом отправят в Москву или Петроград. Я не стал ей возражать, хотя и ясно видел, куда нас поведут.

Повели нас за город. Кончились строения, показался лесок. Стали мы подходить, должно быть, к месту казни нашей, потому что наши палачи стали услужливо предлагать свои услуги: «Позвольте, я понесу ваши вещи», очевидно, каждый желал сейчас же завладеть нашими вещами, чтобы потом не делиться ими с другими. Потом нас остановили. Я улучил минуту и перепрыгнул канаву, которая была около меня. Я бросился бежать. В меня было выпущено три пули. Я упал, потерял шапку и слышал вдогонку слова: «Готов». Но я тут же поднялся и снова побежал (упал я после второго выстрела). В меня был произведён третий выстрел, но Господь Бог меня сохранил, и я убежал. В течение 43 суток я блуждал и вышел на линию железной дороги в 70 верстах от Екатеринбурга на территорию, свободную от большевиков».

Графиня Гендрикова и Шнейдер были тогда же расстреляны*.

* Их трупы были найдены весной 1919 года .

Как это было

Истпарт — отдел Пермского Окружкома РКП(б) в 1924-м году по запросу ЦК РКП(б) подготовил материалы об убийстве Михаила Романова, в которых рассказана вся правда о трагедии.

Истпарт не мог, согласно всем прежним отношениям Вашим, а так же последним за № 12/40256 и за № 65, выполнить в срочном порядке Ваше задание, т. к. материалов готовых в Истпарте, т. е. дел об убийстве Михаила Романова, не было. Только в последние дни удалось исчерпать весь показательный материал/который приведён полностью, в надежде на вашу редакцию/путём опроса, наконец, всех участников дела.

К статье Испарта/составленной по всем сверенным показаниям участников дела/прилагаем два фотоснимка участников дела, дневник Михаила Романова и заметку из местной газеты о похищении Романова.

*Секретарь Окружкома РКП/б//Туркин/
Зав. Истпартом/Ольховская/1922 г.*

В местной газете «Известия Совета Раб. и Кр. Депутатов» от 15-го июня 1918 года, в отделе местной жизни была помещена заметка о похищении Михаила Романова. Но дело обстояло несколько иначе, чем говорится в заметках.

В 1918 году Урал послужил местом высылки и ссылки исконных врагов рабочего класса России и Советской власти. В частности в начале 1918 году прибыл в Пермь один из членов Царской семьи, поднадзорный Михаил Романов. Вскоре вслед за Романовым в Пермь

стали съезжаться никем не высылаемые лица, т. е. вся «великосветская» публика — семьи быв. великих князей, великие княгини и князья и т. п.

В общем, можно заключить, что негласно вслед за ссыльным Романовым выехала сюда постепенно вся его свита и различные родственники, которые селились в отдалённых кварталах Перми.

Михаил Романов был помещён (согласно директивам из центра) в центре города, в один из роскошных домов — в номерах бывшего «благородного собрания», — где и жил до перевода его в Королёвские номера.

Жизнь Михаила, вернее, великолепные условия его жизни на глазах у рабочих сделали своё дело.

Не раз и не два проходившие мимо «благородного собрания» — белого дома с колоннами — рабочие Мотовилихи возмущались: не так, дескать, жили мы, когда нас арестовывали в царские дни... Давно бы его того... укокошить надо бы, а не так...

Вот к чему, по существу, сводились замечания рабочих по поводу пребывания и жизни Михаила в Перми. Кроме того, и в Перми, и в Мотовилихе среди рабочих шли толки о том, что Михаил Романов очень часто уж гуляет не только по городу, но и за город, поднимается «на Горки» (район Перми, расположенный на высоких крутых холмах), откуда любитесь на завод, на реку Каму, на противоположный берег её.

Необходимо отметить, что в те дни обывательщина Перми была сильно встревожена «гонением на церковь», которое принесла с собой советская власть, производившая учёт церковного имущества в связи с отделением церкви от государства.

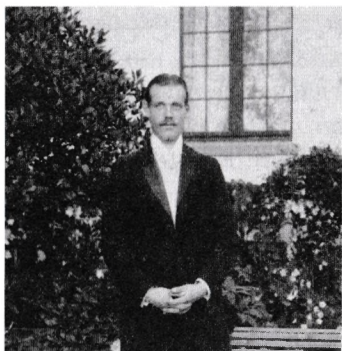
Набожные старушки стали утешаться тем, что ходили «хотя бы глазком взглянуть на будущего помазанника божия».

Таким образом, около Михаила Романова и его прогулок создавалось нечто вроде паломничества обывательщины.

В те дни большевикам в Перми приходилось вести ожесточённую борьбу за большинство в советах против эсэров и меньшевиков; так, даже в Мотовилихинском совете рабочих депутатов 50 процентов — чуждый большевикам элемент. Между тем положение Урала становилось всё тревожнее — в Сибири скоплялись силы белогвардейщины, а на Урале уже проявляли себя Чехословацкие банды.

Рабочие вооружились, составляя отдельные отряды, которые уходили отражать чехословаков.

Создавалась военная обстановка работы — Урал находился под определённым ударом колчаковщины.

Кандидатура Великого князя Михаила на царский престол многим казалась единственно возможным спасением для страны. Уже на рассвете 3 марта тысячи солдат и офицеров фронтовых армейских частей присягали на верность Императору Михаилу II. В 4-й Кавалерийской дивизии генерал Краснов объявил о восшествии на престол Императора под громкое «Ура!»...

При всех указанных условиях работы тех дней, в апреле т. Иванченко Василий Алексеевич был назначен Губисполкомом Начальником милиции и комиссаром по охране г. Перми. В первую же неделю его службы Пермская Губернская Чрезвычайная комиссия передала т. Иванченко как Начальнику милиции поднадзорного Михаила Романова со строжайшим наказом от Губисполкома и от ЧК «хранить Романова, как зеницу ока» (среди руководящих товарищей постоянно мелькала мысль о возможности побега Михаила).

Приняв под свой надзор Романова, т. Иванченко несколько изменил его режим. Первое время жизни в Перми Михаил Романов пользовался относительной свободой, являясь в Чрезвычайную комиссию лишь раз в неделю для регистрации. Теперь же т. Иванченко заставил являться Романова и его секретаря Джонсона три раза в неделю для отметки в журнале милиции. Не довольствуясь этим, т. Иванченко часто заходил к своему поднадзорному и часто не заставал его дома. На вопрос его: где Михаил Романов? — отвечали: ушёл гулять.

Тов. Иванченко овладела мысль о полной возможности побега Михаила.

— А всё-таки он у меня может убежать — говорил он себе.

В конце мая часов в 9 вечера к т. Иванченко, который занимался один в своём кабинете в управлении милиции, вошла дама «шикарно одетая», по словам т. Иванченко, которая просила повидаться с комиссаром.

— Я самый, — ответил т. Иванченко.

«Ей, по-видимому, очень уж подозрительным показалось, какой это я такой комиссар?» — рассказывает т. Иванченко.

Обращаясь к «комиссару», вошедшая дама заявила, что она жена Михаила Романова и просит разрешить погулять с ним, конкретно не указывая места назначенной прогулки.

Т. Иванченко в просьбе отказал, указывая, что Романов пользуется свободой и ходит куда хочет.

Но в этот же вечер т. Иванченко окончательно решает вопрос о необходимости избавиться от Романова так или иначе и делает в Губисполком заявление, пробуя натолкнуть Исполком на мысль об окончательном избавлении от Романова.

Губисполком в целом категорически отрицал предложение т. Иванченко (кроме его председателя т. Сорокина В.)

Тов. Иванченко на этом не успокаивается, он говорит об этом некоторым ответственным работникам, в том числе т. Мясникову Гавриилу Ильичу.

Мясников, выслушав т. Иванченко, обещал ему во что бы то ни стало решить вопрос о Романове в связи с тем, что Уралу угрожает уже явная опасность в самом недалёком будущем.

В первых числах июня т. Мясников встречает в Управлении Мотовилихинской милиции тов. Иванченко и говорит ему:

— Из-за тебя дело стоит. План покражи Михаила Романова готов, остаётся обсудить дело практически.

Затем т. Мясников звонит управляющему Мотовилихинского Электротеатра «Луч» т. Маркову, вызывает его в милицию.

Марков вскоре явился, и здесь состоялось первое совещание трёх лиц — Мясникова, Иванченко, Маркова о создании плана похищения Михаила Романова. Намеченный ими план выполнить втрём не представлялось возможным. Поэтому по рекомендации т. Иванченко был приглашён ещё т. Жужгов Николай, служивший в Мотовилихинской милиции, по рекомендации Маркова пригласили Ивана Колпащикова.

Марков предложил перенести дальнейшее совещание в кино «Луч», т. к. в милиции их могли слышать, но и в конторе кино было небезопасно, поэтому все пятеро забрались в будку кино.

Здесь уже происходило окончательное распределение ролей при осуществлении намеченного плана.

Вечером 12 июня 1918 г. тов. Жужгову как служащему в милиции было поручено достать два крытых фэтона с хорошими лошадьми, в которых все участники заговора отправлялись в Пермь.

Доехав до Управления Пермской городской милиции, лошадей поставили во дворе, а сами ушли в управление милиции. Здесь в заговор был посвящен тов. Дрозкин, помощник т. Иванченко, которому было поручено дежурство у телефона т. Иванченко (как начальника милиции), чтобы в случае тревоги задержать выезд конницы, находя-

щейся в распоряжении милиции, которой пользовалась ЧК при подобных обстоятельствах.

Здесь же план похищения Михаила был окончательно выработан. Решено было явиться в номера Королёва (куда был переведён Романов, занявший комнаты под номером первым и вторым) к 11 час. вечера; предъявить ему документ, подписанный т. Малковым (в то время Малков был председателем Губернской Чрезвычайной комиссии), о срочном выезде Романова из Перми по указанию лиц, предъявивших мандат.

В случае, если Романов откажется ехать, брать его силой.

После принятого решения Мясников и Марков уехали в ЧК готовить фиктивный мандат на право ареста Михаила от имени и за печатью Губернской Чрезвычайной комиссии. Марков сам сел печатать мандат.

В это время в комнату вошёл т. Сорокин, председатель Губисполкома. Он, по-видимому, догадался, в чём дело, рассмеялся и ушёл.

На заготовленном мандате была подпись т-ща Малкова и приложена печать Чрезвычайной Комиссии.

К указанному времени Мясников ушёл пешком к Королёвским номерам (последний дом на левой руке по Сибирской улице у реки Камы), а т. Иванченко, Жужгов, Марков и Колпашиков сели по два в каждый фаэтон и, в свою очередь, поехали туда.

Лошади остановились у парадного подъезда номеров. Жужгов и Колпашиков, правившие лошадьми, поспешно соскочили с козел и направились вверх по лестнице к комнате № 1, где жил Романов.

Иванченко и Марков остались у лошадей. Тут же по панели около дома ходил Мясников. Пройдя с Жужговым одну лестницу, Колпашиков дальше не пошёл, а сел на диванчик рядом со швейцаром, который стал спрашивать, зачем они сюда пришли. Колпашиков отвечал: — К Михаилу Романову.

«Минут через 10 я услышал крупный разговор. Незнакомое лицо говорило, что Романов болен и идти не может. Жужгов не настаивая требовал, чтобы Романов одевался», — рассказывал Колпашиков.

В это время поспешно спустились с лестницы к телефону два человека, которые стали звонить в управление милиции, в Чрезвычайную комиссию. (Это были телохранители Романова; один из них матрос, другой ходил в штатском, как говорят, быв. жандарм из Гатчины.)

Колпашиков выбежал на улицу и заявил товарищам, что происходит скандал, т. к. Романов не идёт.

Действительно, Романов отговаривался, требуя вызвать по телефону «Малькова».

Поскольку следствием рассматривалась версия и о религиозно-национальном мотиве убийства Романовых, то следует отметить, что в дореволюционной России национальность не имела никакого значения в гражданском отношении, а от вероисповедания зависел юридический статус граждан империи. Юровский, например, официально отказался от иудейства и в 1904 г. в Берлине принял лютеранство, т. е. стал христианином.

Мясников послал на помощь Жужгову Маркова Андрея; сам же поспешил уйти.

Вооружённый бомбой («коммунистом») и наганом Андрей Марков вместе с Колпащиковым вошли в помещение Романова.

Между тем Жужгову уже удалось путём угроз заставить Романова одеваться, но последний всё ещё продолжал упорствовать, не шёл, ссылаясь на болезнь и требовал то доктора, то «Малькова»...

Вооружённый Марков, видимо, произвёл на Романова впечатление. Михаил стал поспешно собираться, спрашивая, не нужно ли брать вещей и какие вещи.

Но Марков отвечал ему:

— Вещи ваши возьмут другие.

После этого Романов просил взять с собой своего личного секретаря Джонсона.

Ввиду того, что об этом обстоятельстве дела была договорённость между всеми участниками дела, Марков не стал возражать. Михаил накинул на себя плащ и вышел из номера, сопровождаемый Джонсоном. С ним шли Жужгов, который всё время вёл Романова, Колпащиков и Марков. Когда Михаил вышел на улицу, с ним случился обморок, он упал на колени, его подняли и посадили в первый фаэтон. Туда же с ним сел рядом т. Иванченко, на козлы вскочил Жужгов.

На второй лошади поехали Марков с Джонсоном. Правил лошадьми Колпащиков.

Погода стояла пасмурная, стало совершенно темно — шёл дождь.

Лошади тронулись, завернули по торговой улице и понеслись по направлению к Мотовилихе по тракту.

Между тем швейцар номеров Королёва и телохранители Романова всё ещё звонили по телефону в милицию и Чека.

С распоряжениями Чрезвычайной комиссии выходила какая-то непонятная заминка — не могли собрать конницу, не было начальства и т. д. — это т. Дрозкин звонит в Чека, о том, что Михаил убежал и погоню за ним следует направить по Казанскому и Сибирскому трактам (т. е. как раз в обратном направлении маршрута похищенного Романова). К этому времени оба фаэтона подкатывали уже к Мотовилихинскому 3-дугу.

Внутри фаэтона происходило следующее. Ехавший с Марковым во втором фаэтоне секретарь Романова Джонсон знал, чем должна кончиться их поездка — сопровождавший его Марков всё время держал наготове заряженный револьвер. Но Джонсон вёл себя спокойно и говорил Маркову:

— Зачем вам расстреливать меня. Богатством я не обладаю, живу на жалование. Есть у меня одна лишь старуха — мать. Романова Михаила так же расстреливать не за что. Он человек либеральный, его любит народ.

Когда стали подъезжать к Мотовилихе, он спросил Маркова, куда их везут.

Марков отвечал, что на поезд, который стоит на разъезде — там в особом вагоне их отправят дальше.

Но затем Марков отказался отвечать на вопросы.

Впереди на расстоянии нескольких саженей ехал Михаил Романов.

Узнав т. Иванченко, сидевшего с ним рядом, Михаил успокоился — Иванченко всегда относился к нему предупредительно, когда он приходил к нему в Управление милиции, и Михаил считал его своим непосредственным начальством. Когда оба фаэтона поднялись на городские «Горки», Иванченко остановил лошадей, вышел из фаэтона и прислушался, нет ли погони — но ничего не было слышно.

Стало ещё темнее, по-прежнему шёл дождь.

Когда подъехали к Мотовилихе, Романов вдруг спросил:

— Неужели меня сегодня расстреляют?

Его тревожило, главным образом, присутствие Жужгова, на которого он и указал т. Иванченко. Но Иванченко стал его успокаивать, рассказывая всю дорогу о том, что Перми грозит опасность в связи с наступлением белогвардейцев, что возможны восстания, неорганизованные выступления массы и т. д.

— Не помню, ещё какую чепуху я говорил ему, — рассказывает т. Иванченко.

В ответ на эти речи Михаил крепко жал руку т. Иванченко и говорил ему:

— Знаешь, начальник, если только я спасусь, я засыплю тебя золотом и богатством.

В то же время Михаил вынул записную книжку и в темноте записал себе на память фамилию Иванченко.

Проехав Язовую (район Мотовилихи), около керосинного склада свернули направо по дороге в лес...

Раздалась команда: «Стой!»

Не успел Иванченко попросить Романова выйти из экипажа, как раздался выстрел.

Это т. Марковым был убит наповал выстрелом в висок секретарь Джонсон, по требованию Маркова вышедший из фэтона. Колпащиков тоже стрелял, но курок его дал осечку, застрял патрон.

Испугавшись выстрелов, лошадь Иванченко понеслась в глубину леса. Иванченко бросился за ней.

В то же время Жужгов выстрелил в Михаила Романова, но только ранил его.

Раненный Михаил бросился с распростёртыми руками к Джонсону и, желая проститься с ним, кричал:

— Разрешите мне проститься с ним.

В это время Марков в упор на расстоянии сажени дал второй выстрел. Романов был убит.

Вернулся из лесу Иванченко и, желая удостовериться, что всё покончено, при свете электрического фонаря увидел лежащих Романова и его секретаря.

Вскоре начало светать.

Остерегаясь, чтобы не заметили большую группу людей с двумя экипажами, участники дела забросали трупы убитых прутьями, хворостом и уехали обратно в Мотовилиху.

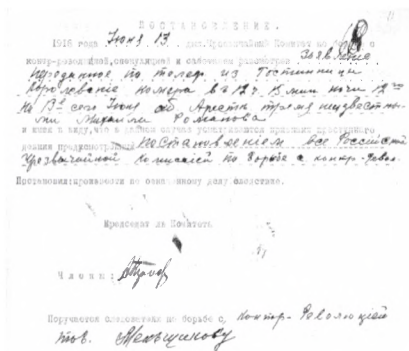
Там в управлении милиции обсудили, когда и как зарыть трупы.

Решили, что на следующую ночь Жужгов и Колпащиков должны выкопать ямы приблизительно на три сажени глубины, сложить в них трупы и, засыпав, заложить дёрном вровень с землей... Так и сделали.

На следующий день, т. е. 13 июня, как только т. Иванченко явился на службу в Управление милиции, ему подали рапорт о побеге Михаила Романова.

Все сотрудники были взволнованы. Губчека была вся на ногах.

В рапорте были указаны все обстоятельства похищения Михаила Романова; принесена жалоба на тов. Дрозкина Василия Андреевича, который в то время как дана была тревога, и конница милиции начала

После убийства Михаила Романова власти не успокоились и сфальсифицировали «дело» о его «похищении неизвестными лицами». Слухи утверждали: Михаил Романов жив и вскоре может вернуться в Петроград Императором. Зарубежные газеты даже напечатали его манифест к русскому народу. Эти слухи вполне устраивали большевиков (а может, ими и сочинялись!), ведь пока Великий князь «жив», вряд ли появится другой кандидат на Российский престол...

уже выезжать, задержал её, ссылаясь на то, что он не может без начальника дать распоряжение о выезде конницы.

Таким образом, действительно, благодаря дежурству т. Дрозкина удалось предотвратить погоню.

На другой день Губчека уже знала настоящее положение дел. Но это не мешало ей, однако, вести дело своим путём, в результате которого были арестованы родственники и «телохранители» Романова и преданы суду, как соучастники побега Михаила.

В первые же дни похищения Михаила Романова в Перми и Мотовилихе стали ходить разные слухи. Говорилось о том, что Романова похитили какие-то офицеры, но какие и кто — неизвестно. (Этот слух пустил заведующий номерами, который принял Маркова Андрея за офицера, т. к. ему показались нашивки на рукаве Маркова, какие носили раненные офицеры; кроме того, у Маркова на левой руке были часы.)

Со стороны красногвардейцев шли слухи, что похищение Романова совершили белогвардейцы; даже в самой партийной организации разносились слухи о том, что Романова похитили ответственные работники — коммунисты, подкупленные белогвардейцами. Рабочие бранили Чрезвычайную комиссию, у которой «из-под носа» украли Романова и т. д. Слухи всё росли.

На третий день похищения Романова Мясников вновь созывает всех участников дела в управлении Мотовилихинской милиции и сообщает следующее: в виду того, что в Перми идут различные толки о побеге Романова, что взбунтовалась не только обывательская масса, но и рабочие — необходимо вырыть трупы и подкинуть их на Егошихе (местность между Пермью и Мотовилихой) или к королевским номерам обратно.

Тов. Иванченко категорически запротестовал. Также и Марков серьёзно убеждал т-щей не делать этого. Марков говорил, что такая политика для нас недопустима, т. к., во-первых, здесь замешан ан-

глийский подданный секретарь Романова Джонсон, и это грозит последствиями; во-вторых, на похороны съедется вся белогвардейщина, и у нас создастся обстановка, при которой будет возможно восстание.

После этого Мясников не стал возражать, остальные же подержали Иванченко и Маркова.

— Но неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы Мясников знал место, где зарыты тела похищенных. Но дело в том, что никто из участников не согласился указать местность Мясникову, — заканчивает свои показания т. Иванченко.

Вскоре в Москву ездил т. Туркин, который, будучи в курсе дела, докладывал Свердлову Я. М. о происшедшем. Мясников также, будучи в Москве, как непосредственный участник дела информировал о совершённом факте убийства Романова.

Свердлов послал привет остальным участникам дела, вспоминая 1906 г., когда он жил во времена подполья у т. Иванченко в продолжении 3-х недель.

Расправившись в силу сложившихся обстоятельств с Михаилом Романовым, рабочие Мотовилихи не успокоились. Та же группа задумалась над существованием в то же время в Екатеринбурге самого Николая Романова.

Составив план похищения Романова, группа рабочих поставила в известность о своём намерении Чрезвычайную Комиссию в Екатеринбурге, предлагая свои услуги...

Но в ответ на это рабочие Мотовилихи получили обещание в самом недалёком будущем решить самим вопрос о Николае Романове в официальном порядке.

Через месяц этот вопрос, взволновавший Областной Совет Рабочих Депутатов, был решён окончательно — в середине июля, в ночь с 16 на 17-е число, Николай был расстрелян.

предполагаемого пути следования экипажей

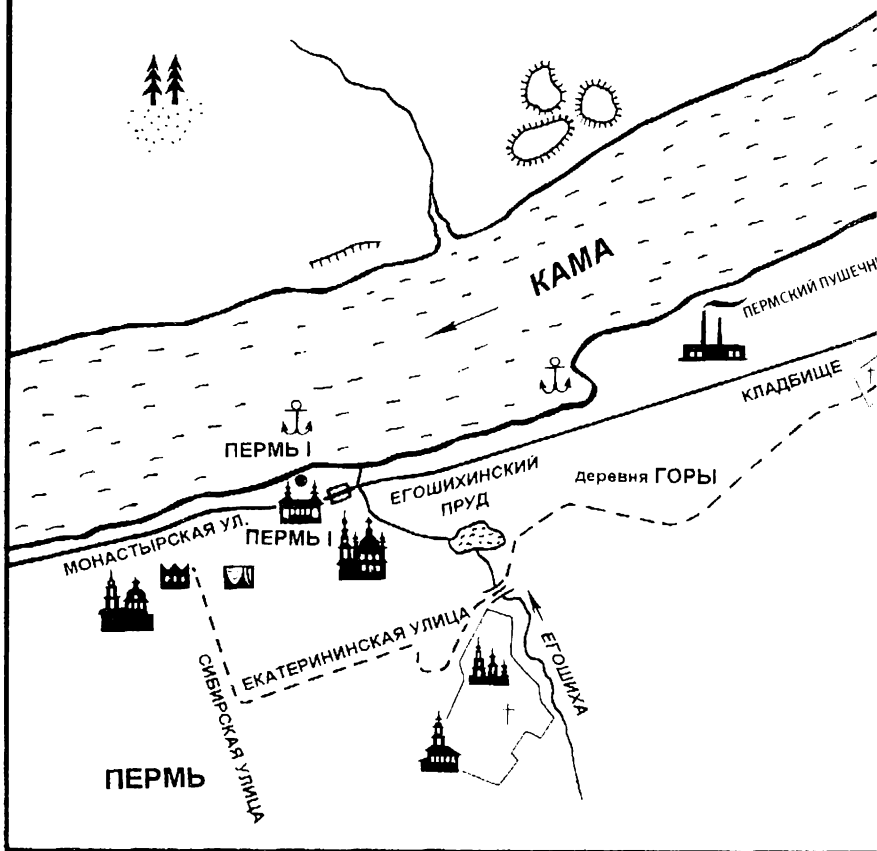
Монастырская улица — улица Орджоникидзе,
Екатерининская улица — ул. Большевицкая,
деревня Горы, район Горки (ул. Степана Разина).
Кладбище в рабочем посёлке — сквер,
улица Большая — ул. 1905 года.

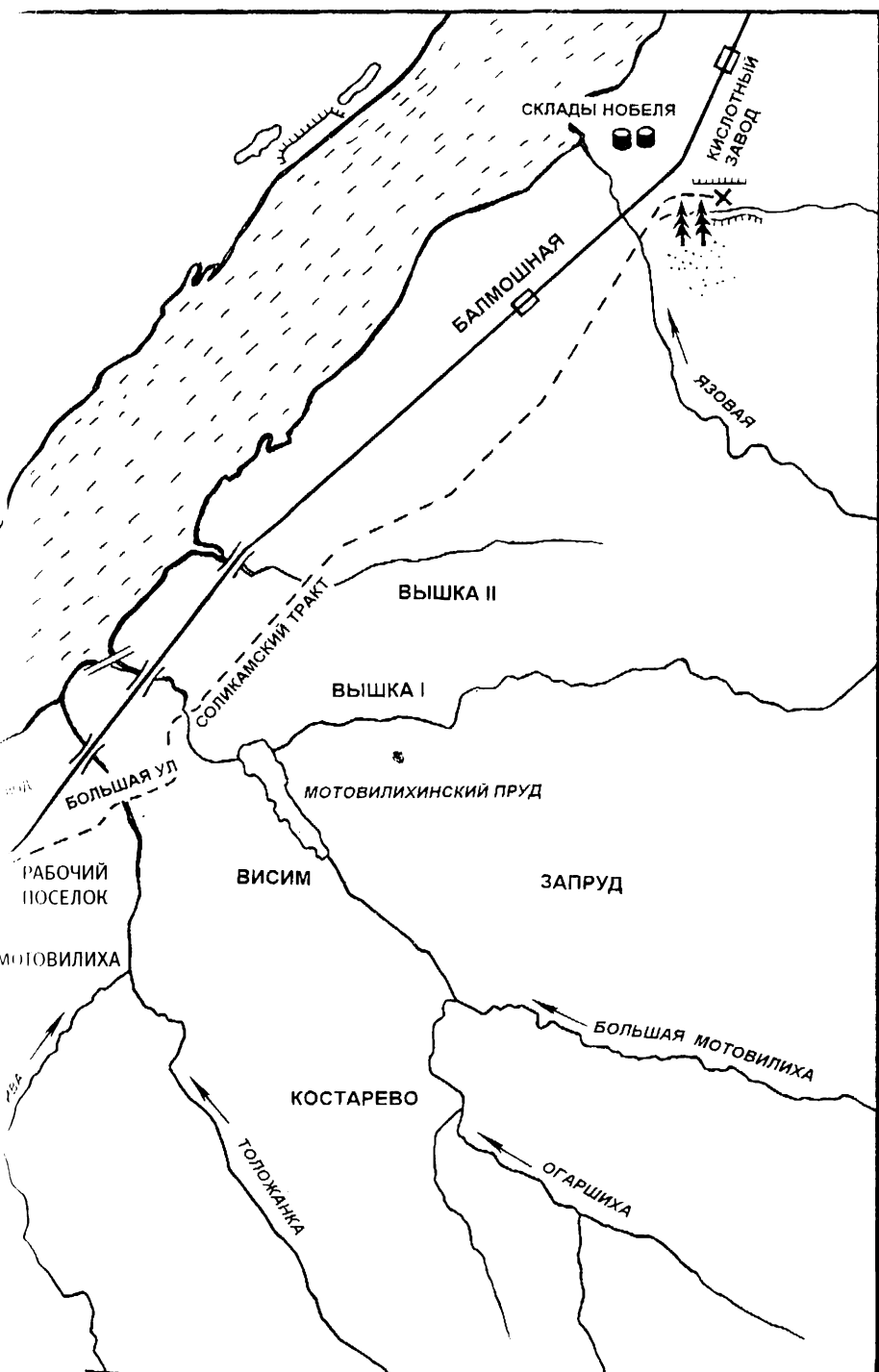

Предполагаемое место убийства

ВЕРХНЯЯ КУРЬЯ

«Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова»*

Из воспоминаний Г. Мясникова

Только тогда, когда Урал стал могилой Романовых — старейших врагов рабочего класса России — успокоились не только Мотовилихи всего Урала, но успокоились рабочие всей России.

И неистово, неудержимо заработала мысль в этом направлении. (...) Это как раз то, что надо. Это не расстрел, не убийство, но он исчез, его нет. Он будет убит, это ясно, но ясно это мне и моим товарищам, кому я доверю свою тайну, но для всех он бежал. И хорошо. (...)

Какой же план? Ввиду приближения фронта, необходимо эвакуировать в глубь России. Это будет написано в мандате того товарища, который войдёт к нему и прикажет собираться. От кого мандат? От ЧК. Кто подпишет? Поддельный. Печать? Бланк? Приготовлю заранее. Кто напечатает мандат? Я сам нахлопаю.

Сколько нужно человек? Чем меньше, тем лучше. А сколько? Один пойдёт с мандатом в его комнату. Другой будет наблюдать с лестницы и передавать вниз третьему, а один в запасе: четыре, и я пятый. Достаточно.

Сколько лошадей? Две. На каждой по три человека. Лошади без кучеров. Кучера наши, из этих четверых.

Куда его везти? В Мотовилиху. А где ему могилу сделать? За Малой Язовой. Да это неважно. Да только надо точно знать и определить, чтобы бестолковщины и суетни не было.

Приготовить ли заранее яму или нет? Не нужно. Будут разговоры, догадки. Это не так сложно.

Кого наметить на это дело? Нужно твёрдых, настрадавшихся от самодержавия, видевших все ужасы, все бичи и скорпионы, готовых зубами глотку перегрызть. Нужно людей, умеющих молчать и, в-третьих, верящих мне больше, чем себе, и готовых на всё, если я ска-

*Стиль и орфография документа сохранены

жу, что это надо в интересах революции. Таких людей в Мотовилихе немало. Но надо, чтобы они были простыми рабочими, свободными от всяких ответственных постов. Это на всякий случай, чтобы нельзя было свалить на Советскую власть, если даже всё это всплывёт наружу, что прямо невероятно. Итак, берём двух лошадей без кучеров. К 12 часам ночи подъезжаем к Королёвским нумерам и действуем. (...)

Как будто план уже есть?

В первую очередь Николай Жужгов. Рабочий. Был в каторге. Видел все прелести царского режима. 7 лет работал в каторге. Всё видел. Всё испытал. И злоба у него не кипит, нет, а злоба какая-то холодная, расчётливая, не волнующаяся, а постоянная, пропитывающая всё его существо. Он будет казнить, не волнуясь, как будто браунинг пристреливает.

Это коренной мотовилихинец, рабочий, токарь, в движении с 1905 года. В 1918 году ему было лет 33–35. Ниже среднего роста, пропорционально росту широк, немного сутуловат. Лицо с тем характерным оттенком выдающихся скул, которое имеется у носивших долго кандалы. Щёки немного ввалившиеся, нос короткий и не широкий, глаза глубоко в ямах под бровями, глаза серые с голубизной. Брови негустые, русые. Глаза спрятанные и потому кажутся маленькими.

В 1905 году участвовал как активный стачечник и в декабре принимал участие в вооружённом восстании Мотовилихи. После разгрома рабочего движения стал принимать участие вместе с Александром Лбовым, тоже мотовилихинским рабочим, во всех его набегах на полицию, жандармов. Принимал участие в форменных сражениях с войсками (...).

Тов. Жужгов был необыкновенно молчалив и всегда смотрел своими глазами внутрь. Был ли он в комитете партии, в исполкоме, в Совете, — редко кто слышал его голос. Он мало начитан, но много думал и больше перечувствовал. Он всегда был сосредоточен и мало когда улыбался и почти никогда не смеялся. Он был куском динамита, готовым взорваться, но до взрыва не проявить никакой жизни. Если ему сказать, что надо надеть динамитные пояса и самому взорваться, взорвав вместе с собой кучку офицеров из штаба Колчака, он, не задумываясь, сделает это. Это был мститель народный, заряженный на всю жизнь ненавистью к эксплуататорам. Лучшего для моего дела не найти. К тому же он связан со мной дружбой 1905 и 1906 годов.

Второго? Василий Иванченко. Тоже коренной мотовилихинец. Рабочий, токарь по металлу. Он в движении с 1904 года. Лет ему 32–33. Среднего роста, пропорционально сложен, с хорошим,

мягким, добрым лицом. Он не то что красивый, нет, а привлекательный. По всему его лицу разлита какая-то доброта и сердечность. Мягкий взгляд серых коричневатых глаз, сидящих неглубоко, не как у Жужгова, и всегда открытых, излучающих доброту. Овальное лицо и хороший лоб, изрезанный, правда, морщинами, но и у него кандальные признаки на лице. Он всегда ровный, спокойный, ласковый, но за этой ласковостью его тенового разговора есть большая решимость и бесстрашие. В 1906 году он был арестован за убийство двух казаков и приговорён к 15 годам каторжных работ. Из каторги он явился в Мотовилиху в 1917 году. (...) Это уже два. Два каторжника. Хорошее начало. А кто ещё двое? Андрей Марков. Подходит. Среднего роста, коренастый, светловолосый, с большими светлыми усами, перегораживающими ему лицо. Рубаха-парень. Любит своё ремесло. Работает мастером в одном из оружейных цехов завода. В 1906 году был в тюрьме. Сидел некоторое время со мной, а потом получил административную ссылку. Член партии с 1905 года. Участник всех боёв, которые пришлось вести передовикам Мотовилихи. Знает на практике все прелести царского режима и горит огнём злобы и мести. Нет такого предприятия, которое он откажется выполнить, лишь бы он верил, что это надо для торжества рабочего дела. Немного ленивый читать и мыслить самостоятельно, он поневоле больше верил, чем знал, и верил в людей, которых он знал, на ум которых он полагался и преданность революции которых он проверил. (...)

Четвёртый? Колпашиков. Рабочий. Это не коренной мотовилихинец. Повыше среднего роста, шатен, с коричневым цветом лица, лицо крупное, голос немного не соответствует его здоровой и сильной фигуре в обратном отношении, чем голос у Свердлова: из маленькой, тщедушной фигурки Свердлова гремел большущий, сильный бас, тогда как из мощной, здоровенной фигуры Колпашикова жалобно, почти пискливо, выходил слабый тенорок. Но пропорция несоответствия всё-таки была меньше, чем у Свердлова. Сидел в тюрьме. В 1917 году был всегда в Комитете как красногвардеец и забывал всего себя, отдаваясь самой кропотливой, тяжёлой и чёрной работе. (...)

Михаил живёт без всякой охраны: в любую минуту может удрать. Двенадцать апостолов, что охраняют Михаила, — это пажи, которые готовы исполнить любую прихоть Михаила. (...)

Но что же я буду делать с этими двенадцатью, что охраняют Михаила? Ничего не буду делать. Михаил бежал, ЧК их арестует и за содействие побегу расстреляет. Значит, я провоцирую ЧК на расстрел их?

Палачи, казнившие
Михаила Романова и его
секретаря
(слева направо):
А. В. Марков (стоит),
Н. В. Жужгов,
Г. И. Мясников,
В. А. Иванченко,
И. Ф. Колпащиков,
А. А. Миков

А что же иначе? Иного выхода нет. Выходит так, что не Михаила одного убиваю, а Михаила, Джонсона, 12 апостолов и двух женщин — какие-то княжны или графини, и, несомненно, жандармский полковник Знамеровский. Выходит ведь 17 человек. Многовато. Но иначе не выйдет. Только так может выйти (...).

Собирался убить одного, а потом двух, а теперь готов убить семнадцать!

Да, готов. Или 17, или реки рабоче-крестьянской крови (...). Революция это не бал, не развлечение. Думаю, даже больше, что если всё сойдёт гладко, то это послужит сигналом к уничтожению всех Романовых, которые ещё живы и находятся в руках Советской власти. (...)

И все четверо плотно полукругом усаживаются против меня на поленья. (...) Я посмотрел на них сразу на всех и сказал:

— Товарищи, я вас позвал сюда для очень ответственного дела. И прежде, чем сказать вам, в чём это дело состоит, мы должны связать себя обещанием, твёрдым словом рабочих-революционеров, что ни в каком случае не будем рассказывать никому ничего из того, что вы здесь услышите. (...) Вы, товарищи, видите, что я был уверен в вас и потому из всей нашей организации я выбрал вас четверых. Я знал, что вы будете согласны.

Эти две фразы сразу отдали их в моё распоряжение: мы уже составляли с ними не пять голов, не пять волей, а одну волю и одну голову. И эти же фразы придали им сознание ответственности, важности и серьёзности дела, и внимание их, напряжение повысились до предела.

— Вы знаете, товарищи, — продолжал я, — что в Перми живёт Михаил Романов?

Сказав это, я обвёл их глазами и у всех прочитал одно и то же: а, вот оно что. Вот какое дело. И видел я, что они уже согласны. Можно

было сразу спросить — согласны? И они не только поняли бы, но и ответили бы разом — согласны. Но я не хотел ничего строить на догадках и недоговорённостях. Хотел ясности и точности. И потому я продолжал.

— Вы, знаете, товарищи, также и то, что он живёт без всякой нашей охраны, со своей собственной охраной из пажей. Когда его привезли сюда, его посадили в тюрьму. Вскоре губисполком и губчека получают телеграмму за подписью Ленина и Свердлова, что Михаила необходимо освободить. Никто не протестовал, и освободили. Тюреммы строились царями, но для нас, а не для них (...).

Неужели мы отступим перед этой падалью истории, Михаилом? Нет, товарищи, мы не можем сделать этого ни во имя прошлых мук поколений, ни во имя грядущих страданий и мук, которые неминуемо придут, если мы его оставим живым. Мы его должны уничтожить и уничтожим.

«Это было 12 июня, но было почему-то очень холодно»*

Из воспоминаний А. Маркова 15 февраля 1924 г.

Не помню точно числа и месяца, когда появился Михаил Романов в гор. Перми. Но в конце мая 1918 года и в начале июня в гор. Перми и Мотовилихе среди населения стали упорно ходить слухи, что Михаил Романов, живя в Перми, часто гуляет по городу и даже за городом, поднимается на «Горки» (горы около Перми) и любит виды на завод, реку Каму и противоположный берег реки, откуда действительно хороший вид на эти местности. Эти прогулки и его проживание совпало как есть с моментом описи имущества в церквях, и время было не особенно спокойное. Особенно много беспокоились старухи набожные, которые собирались около церквей, а попы вели агитацию, что большевики хотят отбирать церкви, а когда эти «божьи старушки» узнали о пребывании Михаила Романова, то началось нечто вроде паломничества на те места, где гулял Михаил Романов, чтобы хоть глазком взглянуть на будущего помазанника божия.

Надвигалось бурное время, приближался фронт белых банд Колчака, бушевала буржуазия, шла национализация имущества, бушевали попы, а мы, большевики, тогда были не так сильны. Помню, в Мотовилихинском Совете рабочих нас было только 50%, остальная часть были меньшевики и эсеры. Борьба с ними также велась отчаянная, они также были против нас и вели агитацию и даже вооружались. Мы же, большевики, хотя и были вооружены, но слабо, хотя главные посты власти были уже в наших руках.

И вот всё это взятое вместе и то, чтобы не удрал бы как из Перми куда-либо, или не украли бы, или не скрыли где Михаила Романова, мы, небольшая группа большевиков, вздумали Михаила Романова изъять из обращения путём похищения его из Королёвских номеров, где он проживал в Перми на Сибирской улице. Первая мысль об этом

*Стиль и орфография документа сохранены

зародилась у тов. Мясникова Г. И. Об этом он сказал в управлении милиции тов. Иванченко, который был комиссаром по охране гор. Перми и случайно был в управлении Мотовилихинской милиции, или же позвал его тов. Мясников туда, точно не помню, и тотчас же позвонили ко мне в кино «Луч» в Мотовилихе, где я был в то время управляющим, чтобы я пришёл в милицию, что, конечно, я тотчас же исполнил. Это было первое совещание из 3-х лиц по этому делу, тов. Мясников посвятил нас, в чём дело, но троим нам, конечно, это сделать было невозможно, и мы тут же решили пригласить, по рекомендации тов. Иванченко тов. Жужгова Николая, а по моей — тов. Колпащикова Ивана и по моему предложению решили дальнейшее совещание перенести в кино «Луч», т. к. в милиции могли нас подслушать, но в самой конторе кино «Луч» также место было ненадёжное; тогда мы, все 5 человек, перебрались в будку кино, где и продолжали своё заседание, правильнее, это было не заседание, а распределение ролей между собой. Было намечено следующее: около семи часов вечера взять 2-х надёжных лошадей в крытых фэтонах и направиться в Пермь.

В Перми лошадей поставили во двор губчека, посвятили в это дело председателя губчека тов. Малкова и помощника Иванченко тов. Дрокина В.А. Здесь окончательно был выработан план похищения. Решено было так: явиться около 11 часов вечера в номера, где жил Михаил Романов, предъявить ему документ, подписанный, тов. Малковым, о срочном его выезде. Если он будет брыкаться и откажется следовать, то взять силой. Документ этот я сел за пишущую машинку и напечатал, поставили не особенно ясно пѣчать, а тов. Малков неразборчиво подписал. Во время печатания мною на машинке мандата пришёл в губчека тов. Сорокин — инженер, в то время predisполкома. Он догадался, что мы чего-то хотим сделать, но чего — ему никто не сказал, но он чувствовал, что что-то затевается, и крупное, но рассмехался и ушёл..

Далее тов. Дрокину было поручено занять место тов. Иванченко по охране Перми и ждать указаний от нас, заняв место у телефона, что им и было сделано. Тов. Малков остался в ЧК, тов. Мясников ушёл пешком к Королёвским номерам, а мы четверо: тов. Иванченко с тов. Жужговым на первой лошади, я (Марков) с Колпащиковым на второй около 11 часов подъехали к вышеуказанным номерам в крытых фэтонах к парадному. Жужгов и Колпащиков отправились в номера, мы же с Иванченко и Мясниковым остались на улице в резерве, но сейчас же потребовали подкрепления, т. к. Михаил Романов отказывался следовать, требовал «Малькова» (он плохо говорил по-русски), чтобы его

вызвали по телефону. Тогда я, вооружённый наганом и ручной бомбой («коммунистом»), вошёл в помещение, стража у дверей растерялась, пропустили беспрепятственно как первых двоих, так и меня. Я занял место в коридоре, не допуская никого к телефону, вошёл в комнату, где жил Романов, он продолжал упорствовать, ссылаясь на болезнь, требовал доктора, Малкова. Тогда я потребовал взять его в чем он есть. На него накинули что попало и взяли, тогда он поспешно стал собираться, спросил — нужно ли брать с собой какие-либо вещи. С собой вещи брать я отказал, сказав, что ваши вещи возьмут другие. Тогда он просил взять с собой хотя [бы] его личного секретаря Джонсона — ему это было предоставлено, т. к. это было уже раньше согласовано между нами. После чего он наскоро накинул на себя плащ. Жужгов тотчас же взял его за шиворот и потребовал, чтобы он выходил на улицу, что он исполнил. Джонсон добровольно вышел из комнаты на улицу, где нас ждали лошади. Михаила Романова посадили на первую лошадь. Жужгов сел за кучера, а Иванченко рядом с Михаилом Романовым; я посадил с собой Джонсона, а Колпащиков за кучера, и таким образом в закрытых фаэтонах (к тому же моросил дождик) мы тронулись по направлению к Мотовилихе по тракту.

Когда по расчётам мы должны быть уже за чертой города, тов. Дрокин звонит официальным тоном, что в Королёвские номера явились неизвестные личности и увезли по неизвестному направлению Михаила Романова, и просит срочно направить по Сибирскому тракту и Казанскому конную милицию. Это же сообщил по телефону заведующий номерами в губчека и в милицию. Пока все это происходило, мы уже были далеко, около зав [ода] Мотовилихи.

Сначала похищенные нами вели себя спокойно и, когда приехали в Мотовилиху, стали спрашивать, куда их везут. Мы объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде, там в особом вагоне их отправим дальше, при [чём] я, например, заявил, что буду отвечать только на прямые вопросы, от остальных отказался. Таким образом проехали керосиновый склад (бывший Нобеля), что около 6 вёрст от Мотовилихи. По дороге никто не попадал; отъехавши ещё с версту от керосинового склада, круто повернули по дороге в лес направо. Отъехавши сажен 100—120, Жужгов кричит: «Приехали — вылезай!» Я быстро выскочил и потребовал, чтобы и мой седок то же самое сделал. И только он стал выходить из фаэтона — я выстрелил ему в висок, он, качаясь, пал. Колпащиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но ранил только Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне,

прося проститься с секретарём. В это время у тов. Жужгова застрял барабан нагана (не повернулся вследствие удлинения пули от первого выстрела, т. к. пули у него были самодельные). Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаила Романова, отчего он свалился тотчас же.

Жужгов ругается, что его наган дал осечку, Колпашиков тоже ругается, что у него застрял патрон в браунинге, а первая лошадь, на которой ехал тов. Иванченко, испугавшись первых выстрелов, понесла дальше в лес, но коляска задела за что-то и перевернулась, тов. Иванченко побежал её догонять, и, когда он вернулся, уже всё было кончено. Начинало светать. Это было 12 июня*, но было почему-то очень холодно. Зарыть [трупы] нам нельзя было, так как светало быстро и [было] недалеко от дороги. Мы только стащили их вместе, в сторону от дороги, завалили прутьями и уехали в Мотовилиху. Зарывать ездил на другую ночь тов. Жужгов с одним надёжным милиционером, кажется Новосёловым.

Размышления после времени...

Из интервью с Н. Зенковой,
директором пермского издательства «Пушка»

Гибель Михаила Романова не оставила пермяков равнодушными. Установлены мемориальная доска на «Королёвских номерах», откуда в ночь с 12 на 13 июня 1918 года увезли Михаила Романова на расстрел, крест на месте предполагаемого убийства Великого князя в районе ст. Язовая, построена и освящена часовня во имя Св. мученика Михаила Тверского...

Казалось бы, время должно было расставить все точки над «i» и стереть «белые пятна», но вопросов появилось, по-моему, больше. И главных по-прежнему два: где находится место гибели Михаила Романова и где его похоронили. А может быть Великий князь действительно сбежал из Перми и где-то жил долгие годы?

Как известно, существует несколько версий относительно места убийства Великого князя. Но прежде чем остановиться на этом, хочется высказать свою точку зрения о событиях.

Я думаю, что побег Михаила Романова из Перми всё-таки готовился. Отсутствие (пока!) документов не позволяет подтвердить это, но вот простое сопоставление дат... Судите сами.

Участники «операции» увезли Михаила Романова на расстрел в ночь с 12 на 13 июня. Почему была выбрана именно эта дата? Романов жил в «Королёвских номерах» несколько месяцев, но гостиница его не совсем устраивала. Он подыскивал себе другую квартиру и во время прогулок по городу заходил в гости к некоторым пермякам. Среди них были и Тупицыны — Ольга и Сергей — дети Владимира Тупицына, владельца пермского фосфорного завода. Тупицыны имели большой дом на Екатерининской улице, 212. Этот дом стоит до сих пор (ул. Большевикская, 210). Сюда и собирался переехать Михаил Романов «накануне своего похищения», как позднее показал на допросе в ЧК Сергей Тупицын. Думается, этот дом Великий князь выбрал не случайно, хотя было несколько других предложений. Например, ему предлагали

перебраться в большой дом семейства Кобяк на ул. Обвинской (25-го Октября), или в дом Алиных, что на Сибирской. Причём эти дома находились в центре города.

Но дом Тупицыных был как раз далеко от центра, но близко к станции Пермь II, и в то же время рядом с подворьем Успенского женского монастыря. Наверное, в пользу такого выбора говорило то, что, как известно краоведам, от некоторых зданий монастыря существовал подземный ход, который вёл к железнодорожному полотну. Это позволило бы Михаилу Александровичу уйти незамеченным. Он ведь сам всё время подчёркивал, что передвигается по городу свободно, не считая 11 часов дня, когда нужно было являться в ЧК.

Разрешение на переезд из «Королёвских номеров» Романов получил от ЧК именно 12 июня 1918 года. Но переехать ему не дали...

После объявленного официально «побега» Михаила Романова 16 июня в Пермь Сергею Тупицыну приходит телеграмма от бывшего управляющего имением Великого князя Матвеева, в которой говорится: «... Очень обеспокоен, сообщите подробности и где служащие..., также вещи. Наталия Сергеевна (Брасова) — жена Михаила Романова — просит, если возможно, приехать, захватив оставшиеся вещи». Судя по тексту телеграммы, Наталия Брасова что-то знала о готовящемся побеге.

Как известно, после пермских событий Наталии Сергеевне удалось уехать из России. Но документы и воспоминания современников свидетельствуют, что она всегда ждала мужа, очевидно, надеялась, что рано или поздно они встретятся... И случайно ли, что один из допрошенных следователем Н. А. Соколовым — Роман Нахтман — показал: «Я ни малейшего сомнения не имею в спасении Михаила Александровича. Конечно, его вместе с Джонсоном похитила организация и увезла по Каме. Весь вопрос в том, где он теперь находится. Недаром же Знамеровский говорил тогда об этом, изучал карту...»

О месте совершённого убийства доподлинно ничего не известно. Безусловно, отпадает версия Э. Радзинского об убийстве на острове, что находился напротив Пермских пушечных заводов в Мотовилихе, поскольку на сохранившихся фотографиях острова, сделанных в начале 1930-х гг., видно, что на этом острове не было вообще никакой растительности, и до него ещё нужно было добраться на лодках. Абсурдна и версия о том, будто бы Михаила Романова сожгли в печах Мотовилихинского завода. Завод хотя и работал, но провести арестованных на оборонный завод без привлечения внимания многочисленных рабочих было невозможно. Остается два реальных места на карте Перми: у складов Нобеля, что находились в четырёх верстах по Соликамскому

тракту (на это место указывают все участники операции), и Архирейка, которая была совсем в противоположной стороне.

Так вот, сопоставляя факты, можно сказать, что это была именно Архирейка. Её называет в своём рассказе Андрей Марков, и называет произвольно, потому что расслабился, отвлёкся по прошествии стольких лет от официальной версии, которую, наверное, участники убийства зазубрили наизусть. Это подтверждают и, как минимум, два косвенных свидетельства. Во-первых, на Соликамском тракте у складов Нобеля белогвардейцы в январе 1919 года ничего не нашли, хотя искали целенаправленно, вскоре после убийства, а во-вторых, у участников убийства ещё в момент его совершения могла зародиться мысль изменить намеченное место расстрела в связи с тем, что Гавриила Мясникова, который был посвящён в планы убийства, с ними в тот момент не было (он сбежал от «Королёвских номеров», когда услышал шум — Михаил Романов не хотел выходить на улицу и требовал Малкова). Зато через несколько дней, когда в городе поползли слухи о побеге Романова, он предложил участникам операции выкопать тело и подбросить его в центральной части города, чтобы показать пермякам, что Великий князь мёртв (об этом пишет сам Мясников в воспоминаниях «Философия убийства»). Подобного поворота эта группа заговорщиков не могла допустить, чтобы не усложнять ещё более обстановку. Может быть, по этим причинам могилу и место до сих пор не нашли...

Остаются ещё многочисленные вопросы: что стало с теми пермяками, кто был знаком с Михаилом Романовым, например, с Сергеем и Ольгой Тупицыными? Их судьба до сих пор не неизвестна. Или Владимир Павлович Шипицин, врач, занимавшийся частной практикой, П. Н. Второв и другие. Куда и кому были переданы вещи расстрелянных, попали они в музей или были разворованы; был ли эпизод по передаче части вещей в музей от В. Иванченко?

Конечно, прошло девять десятилетий с событий той трагической ночи, уже давно нет в живых участников и свидетелей, всё труднее искать что-либо — факты, документы, вещи. Но почему-то кажется, что не все пока документы пермских и центральных архивов прочитаны и не все музейные фонды просмотрены. Может случиться, что среди рассекреченных архивных документов или даже семейных, личных ещё найдутся немые свидетели времени, которые прольют свет на эту историю. Хочется верить.

Пермь: Тайна гибели Михаила Романова

Людмила Лыкова

Макет и вёрстка:

Мария Копытова, Надежда Преображенская

Ответственный редактор

Мария Семёнова

Подписано в печать 23.06.2010

Формат 60×90/32.

Бумага мелованная.

Гарнитура Georgia.

Печать офсетная.

Тираж 3000 экз.

Издательский дом «Достоинство»

117452, Москва, Внутренний проезд, д. 8, стр. 4.

По вопросам приобретения обращайтесь по телефону: (499) 788-71-80

или по e-mail: info@id-dostoinstvo.ru

www.id-dostoinstvo.ru

Отпечатано в типографии ЗАО «ДОССОМ»

Москва, Большая Марьинская, д. 9

9 785904 552053

Читайте новую книгу
Издательского дома «Достоинство»

Романовы

408 страниц

400 уникальных иллюстраций

В 1918 году были убиты

18 членов Императорского дома Романовых.

Тайны следствия,

мифы и легенды, опутавшие эту трагедию,

неизвестные факты и документы,

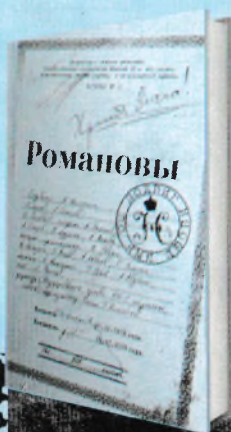
уникальные фотографии,

интервью с убийцами и судмедэкспертами,

очерки и портреты членов Дома Романовых—

все это вы найдете в новой книге.

Издание адресовано широкому кругу читателей,
интересующихся историей и судьбой России.

Приобрести книгу Вы можете
в книжных магазинах
и в ИД «Достоинство»

Москва, Внутренний проезд,
д. 8, стр. 4

Тел. (499) 788-71-80

Тел./факс (495) 310-93-22

info@id-dostoinstvo.ru

www.id-dostoinstvo.ru